Т21
Д40

М. И. ДЖАНДИЕРИ, Г. И. ЛЕЖАВА

НАРОДНАЯ БАШЕННАЯ АРХИТЕКТУРА

Введение

В отрогах Кавказского хребта от Черного до Каспийского морей давно известны укрепленные селения, состоящие из домов-крепостей и башен. Лес башен поражал воображение путешественников, посетивших высокогорные районы Дагестана, Чечено-Ингушетии, Северной Осетии и в особенности Грузии, насчитывавшей еще в конце X1X в. на своей территории около 400 башен. У античных авторов можно найти многочисленные упоминания о существовании башенного жилища на территории Закавказья и Кавказа. Витрувий в свой трактат "Об архитектуре" включает описание колхидских жилых башен.

Дальнейшие поиски еще больше расширили ареал распространения этого вида жилища (рис. 1, № 1-36). Так, башенное жилище, относящееся к УП тыс. до н. э., обнаружено под Иерихоном. Башенная форма жилища неоднократно упоминается в Библии. Она встречается в героических эпосах Шумера, Греции, Индии, Кавказа, древних германцев. На территории Передней Азии - в Йемене, Хадрамауте, Иране, Ираке, Афганистане древние источники указывают на существование в этих странах башенных форм жилища. Было укрепленное жилище и в Средней Азии. Древнейшим очагом развития башенного жилища оказалась Индия. Башенные жилые ансамбли обнаружены и в Китае.

Работ по обследованию народного жилища Африки почти не публикуется. Однако и там удалось выявить башенное жилище, главным образом в прибрежных странах Северной и Восточной Африки. В Египте были найдены укрепления с жилыми башнями, датируемые Ш тыс. до н.э. В Эфиопии, в Северной Родезии, Судане, Ливии, Северном Камеруне обнаружены башенные формы жилища. В высокогорных районах Марокко берберы жили в укрепленном жилище типа домов-крепостей. В горах Анти-Атласа строились крепостные селения.

Различные типы укрепленного жилища существовали и на территории Европы. В Средиземноморском бассейне следы древнего укрепленного жилища обнаруживаются прежде всего на о-ве Крите, где оно возникает в 2100-1570 гг. до н.э. Оборонное жилище "нураги" на о-ве Сардиния относится к концу П тыс. до н.э. В Центральной Европе уже в 1 тыс. до н.э. строились укрепленные поселения. В Далмации - иллирийские, во Франции - галльские и кельтские племена жили в укрепленных поселениях. Страбон указывает на селения Испании, имеющие башни. Остатки древних форм укрепленного жилища сохранились на Британских островах.

Остаточные формы укрепленного жилища встречаются в Балканских странах. В Греции на Пелопоннессе в области Мана целые селения состояли из домов-крепостей и боевых башен. В Албании, Югославии, Румынии и Болгарии дома-крепости назывались "кулами". Сербы, хорваты, македонцы, черногорцы еще в XX в. жили в крепостных жилищах.

Башенные формы жилища существовали в доколумбовой Америке. Они обнаружены на территории юго-западных штатов США. Имеющиеся данные указывают на распространение этой формы у некоторых племен Центральной и Южной Америки, у ацтеков, в Перу, в Колумбии в районе Боготы.

Происхождение башенных ансамблей Кавказа окружено многочисленными легендами, научными и псевдо-научными теориями. Появление башенных форм жилища на Кавказе некоторые ученые связывали с генуэзцами, подобно тому, как происхождение древнехевсурского оружения связывали с крестоносцами. Большинство же ученых относило появление башенного жилища к средневековью.

По мнению одних ученых, укрепленные дома-башни - жилища обедневших феодалов, по мнению других, - подражание в крестьянских постройках их формам. Однако обе гипотезы не объясняют, почему крестьяне возводили такие жилища, и почему укрепленное жилище органически вписывалось в быт горцев, использовалось по назначению и было обитаемо еще в начале XX в.

Ясно, что выявить предпосылки, объясняющие массовое появление у крестьян сложной и трудоемкой для исполнения оборонной формы жилища, без рассмотрения широкого круга вопросов и комплексного анализа невозможно.

Многочисленный и разнообразный материал, относящийся к истории развития укрепленного башенного жилища можно разбить на четыре основные группы: 1 - литературные источники, начиная с древнейших времен; 2 - древние изображения башенного жилища; 3 - археологические памятники; 4 - ансамбли оборонных селений, реликтово существующих или существовавших до недавнего времени в ряде стран.

Древние источники: клинописные тексты на шумерских глиняных табличках, древнеиндийский поэтический эпос, материалы по Двуречью и Египту, античные авторы, модели и барельефы указывают на широкое распространение укрепленного башенного жилища в доклассовом обществе на территории многих стран мира. В средние века эта форма народного жилища как бы сходит с исторической арены и упоминается редко.

В XУП в. появляются сообщения о башенном жилище в изолированных преимущественно горных районах. Источниками этих сведений являлись в основном сообщения миссионеров, а в X1X в., в связи с организацией большого числа экспедиций различного назначения, известия о башенных жилищах и укрепленных селениях в труднопроходимых областях многих стран становятся достаточно частыми. Башенная форма жилища вызывает удивление путешественников и, естественно, ассоциируется с феодальными замками, и лишь некоторые оставляют открытым вопрос о происхождении этой формы жилища.

География распространения укрепленного жилища говорит о том, что среди многочисленных форм народного жилища, существовавших на ранних стадиях общественных отношений, в отдельных случаях пред-

почтение отдавалось именно оборонным формам. Какие причины заставили сванов, ингушей, чеченцев, аварцев, кафиров Гиндукуша, йеменцев, марокканцев и других жить в укрепленных жилищах? Что вынуждало их строить такие сложные сооружения, как многоэтажное жилище? Бесконечные военные конфликты между племенными группами, отдельными деревнями, и даже между непосредственными соседями – именно они вынуждали в борьбе за существование в целях самозащиты жить в домах-крепостях и пользоваться боевыми башнями.

Сопоставление и обобщение имеющихся сведений показывает, что на различных стадиях родоплеменных отношений при длительной оседлости в районах с богатыми природными ресурсами создается возможность накопления определенных ценностей. В этих условиях может появиться, с одной стороны, необходимость в охране произведенной прибавочной продукции, и, с другой стороны, стимул к насильственному захвату результатов чужого труда. Конфликты носят различный характер, от глобальных до местных, выражающихся во внутриплеменных и внутриродовых распрях, с одновременным существованием института кровничества, сохраняющегося при остаточных пережитках родовых отношений даже в классовых обществах [1]*.

Оборонное жилище, широко распространенное в доклассовом обществе, затем почти повсеместно исчезает. Оно позволяло его владельцу эффективно защищаться и отстаивать свою независимость, замедляя тем самым процесс классообразования, сопровождающийся превращением общинников в рабов или крепостных. Неудивительно, что жилища этого типа повсеместно разрушались, как социально опасные. Таким образом, закономерно, что этот тип жилища сохранился лишь в отдаленных труднодоступных, чаще всего горных областях, где природные условия в сочетании с оборонными формами жилища создавали мощный заслон, позволявший столетиями сохранять неизменными социально-экономические и культурные отношения. Произошел процесс выделения этих районов из общего хода исторического развития страны, области, края.

Оттеснение в изолированные районы местных племен происходило последовательно при рабовладельческом, феодальном и капиталистическом строе (колониальные завоевания Греции и Рима при рабовладельческом строе и освоение африканского континента при капитализме). Примером могут служить Северный Кавказ и Грузия, где сваны, кроме территории, на которой они проживают в настоящее время (вдоль юго-западной части Большого Кавказского хребта), в 1 тыс. до н.э. владели также частью Черноморского побережья. Аналогичный процесс происходил по азиатскому, африканскому, европейскому побережьям и отдельным островам Средиземного моря.

Требования обеспечения безопасности позволяют выделить укрепленное башенное жилище в отдельную рубрику и классифицировать как самостоятельный тип жилища.

Потребность в укрепленном жилище возникала в различные исторические эпохи, но общество, пользовавшееся этой формой жилища, обязательно находилось на одной из стадий развития родоплеменных отношений. Так, в Евразии и Африке башенное жилище известно, начиная с Ш тыс. до н.э. и ранее. Массовое башенное жилище северо-американских индейцев в штатах Колорадо и Нью-Мексико, по форме и компо-

* См. Примечания .

зиционным приемам сходное с евразийским, датируется УП–ХУ вв.

Собранные данные выявили несомненное типологическое сходство укрепленного жилища Азии, Европы и Африки (рис. 71–74). Обращала на себя внимание общность форм башенного жилища Кавказа и Азии, и, естественно, напрашивался вывод о заимствовании этой формы из единого центра. Однако логическая схема оказалась далеко не столь убедительной, после того, когда башенные формы жилища были обнаружены в доколумбовой Америке. Это обстоятельство поставило под сомнение также предположение о том, что происхождение башенных форм жилища связано исключительно с классовыми формациями и главным образом с феодализмом.

Сохранившиеся комплексы башенных жилищ на территории Закавказья и Кавказа, а также многочисленные указания древних источников на широкое распространение такой формы в этих же местах, позволяет отнести этот район к одному из очагов зарождения оборонного жилища. Большинство башенных селений, сохранившихся до настоящего времени в изолированных районах Большого Кавказского хребта, создавалось в эпоху развитых классовых формаций, в окружении стран, достигших уровня капиталистических отношений. Однако они повторяют древнейшие формы укрепленного жилища.

Таким образом, ансамбли башенных селений горных районов Грузии и Северного Кавказа приобретают достоверность археологических материалов независимо от времени сооружения отдельных построек. Так, анализ башенных комплексов Грузии, и в первую очередь Сванетии, позволяет обнаружить общие закономерности композиционных и планировочных решений, которые могут помочь расшифровке процессов возникновения и развития оборонной архитектуры многих стран мира.

Поиски районов распространения реликтовых форм оборонного жилища и научная фиксация отдельных памятников еще сегодня наталкиваются на ряд трудностей. Эти комплексы, как правило, размещаются на отдаленных труднодоступных территориях. Большая часть памятников необитаема и находится в стадии разрушения. Во многих местах покинутые башенные ансамбли служат каменоломнями.

Большинство укрепленных селений, дошедших до настоящего времени, создавалось в эпоху развитых классовых отношений как необходимость и воспринималось их владельцами как современность еще в начале XX в., и независимо от времени сооружения они представляют большую историческую ценность. Не следует забывать, что совершенствование этих видов жилья продолжалось до недавнего времени в труднодоступных районах мира. В силу этих обстоятельств недооценивать башенные постройки, ссылаясь на недавность их возведения, глубочайшее заблуждение. Это живые свидетели многотысячелетней истории человечества.

Глава I

ГЕОГРАФИЯ РАЗМЕЩЕНИЯ УКРЕПЛЕННОГО ЖИЛИЩА

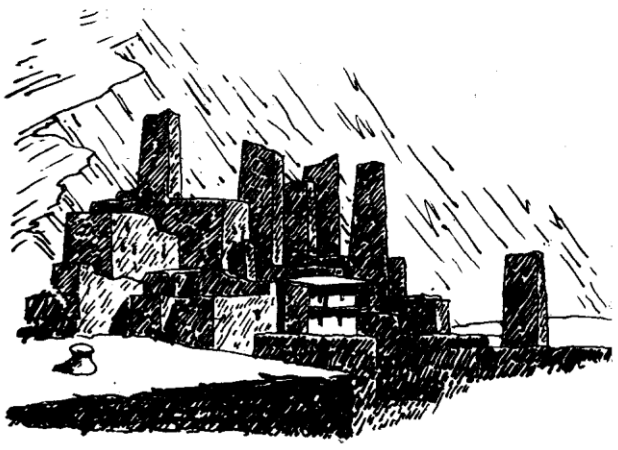
Кавказ

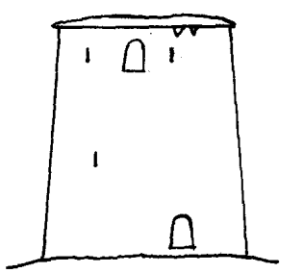
На территории многих стран, на различных континентах и островах сохранились укрепленные жилища (рис. 1, №1–36). Объем имеющихся сведений по архитектуре башенных жилых ансамблей носит отрывочный характер. Несмотря на то, что этот тип жилища использовался в ряде мест по прямому назначению, то есть в целях обороны, еще в XIX – начале XX в. сообщения о нем по объему информации крайне неравномерны и ограничиваются только описаниями общего характера и фотофиксацией.

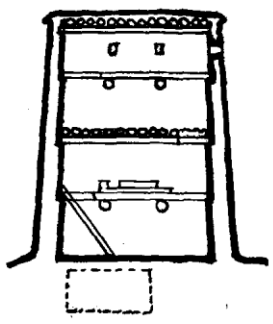
Главными источниками для выявления очагов укрепленного жилища служат сохранившиеся или разрушенные в недавнем прошлом ансамбли оборонных селений, а также различного рода данные, указывающие на существование жилища этого типа в древности.

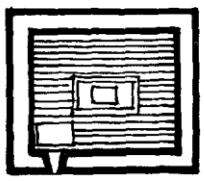
В Передней, Южной и Восточной Азии, в Европе, Африке и ряде других стран в различные исторические периоды в отдельных областях строили жилища оборонного типа. Крупнейшим районом распространения укрепленного жилища, и в том числе его башенной формы, с древнейших времен был Кавказ.

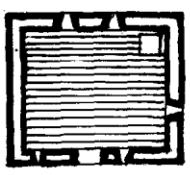
Б. А. Куфтин указывает, что Кавказ при недостаточной разработанности вопросов его древней истории, по самому характеру своей природы и географическому положению является страной крупных противоположностей: одновременно естественным барьером между странами Восточной Европы и Передней Азии, средоточием реликтовых форм, долго сохранявшихся в замкнутых горных районах, и наряду с этим проводником культурных течений с юга на север [2]. Отмечая, что многие ученые недостаточно учитывали роль Грузии и Кавказа в процессе формирования и

Наибольшее количество укрепленных башенных селений сосредоточено в изолированных труднодоступных местах Большого Кавказа, где различия в социальной структуре высокогорных и равнинных районов выявлены наиболее полно. Именно эти районы длительное время сохраняли реликтовые формы первобытнообщинных отношений, повсеместно нося как на Северном Кавказе, так и в Грузии, еще в XIX в. название "вольных обществ". В Дагестане "вольные общества" были у аварцев, даргинцев, лакцев и агулов, в Грузии – у сванов, в Азербайджане – в Закатальском и Белоканском районах. Такие же "вольные общества" существовали в прошлом в Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. Повсеместно "вольные общества" строили оборонные формы жилища.

По всему Кавказу сохранилось до настоящего времени большое количество диалектов. В Дагестане, например, насчитывается до 30 народностей и 70 диалектов, но это не мешало применять один и тот же прием организации оборонных селений.

На формирование жилища обычно оказывает влияние официально принятая страной религия. Распространение христианства и мусульманства среди народов высокогорного Кавказа подавлялось объединявшим их всех языческим пантеоном. Насильственное внедрение христианских и мусульманских догм закончилось принятием чуждых им концепций, с последующим повсеместным оязычиванием этих культов как в Чечено-Ингушетии,Дагестане и Северной Осетии. так и в Грузии[4, 5].

Общекавказской доминирующей формой укрепленного жилища следует назвать 2-4-этажный дом-крепость, достигающий иногда 5-6 этажей. Этот тип дома называют также жилой башней. Термин дом-

крепость более точен, так как он характеризует основное свойство оборонного жилища, предусматривающего независимо от количества этажей глухой компактный безоконный обьем с применением различных защитных приемов, увеличивающих обороноспособность.

В домах-крепостях жили одной неразделенной семьей. М.М. Ковалевский, посетивший Сванетию в 80-х годах X1Xв., указывает, что сванская семья состоит из 20-40 человек [6]. Р.Д. Эристов в 90-х годах X1X в. застал у сванов семьи в 50 человек. Он приводит распространенную у сванов поговорку: "Лучше лишиться нескольких лиц в семье, лучше пусть чума постигнет дом, чем делиться членами его" [7]. Е.И. Крупнов отмечает, что у ингушей еще в конце X1X в. можно было встретить "большую семью" [8], общее число членов которой достигало 20-40 человек [9]. Г. Я. Мовчан у аварцев Дагестана обследовал помещения, принадлежавшие большим неразделенным семьям. Из 98 обмеренных им объектов - 80 имели площадь более 50 м^2 [10]. По всему Кавказу дома-крепости, отражая патриархальную структуру семейных отношений, достигали в плане, поэтажно 80-120 м^2.

Боевые башни такой же непременный элемент укрепленных ансамблей высокогорных областей Большого Кавказа, Грузии, Северной Осетии, Чечено-Ингушетии, Дагестана и Азербайджана, как и дома-крепости, но в отличие от последних они служили жилищем только эпизодически. Занимая в плане меньше места, чем дома-крепости, они по высоте достигают 5-7 ярусов и, как правило, выше домов-крепостей. Применение и назначение боевой башни зависели от функций, которые она была призвана выполнять. Башни принадлежали группе семей или являлись собственностью одной неразделенной семьи, их владельцем могло оказаться также все поселение.

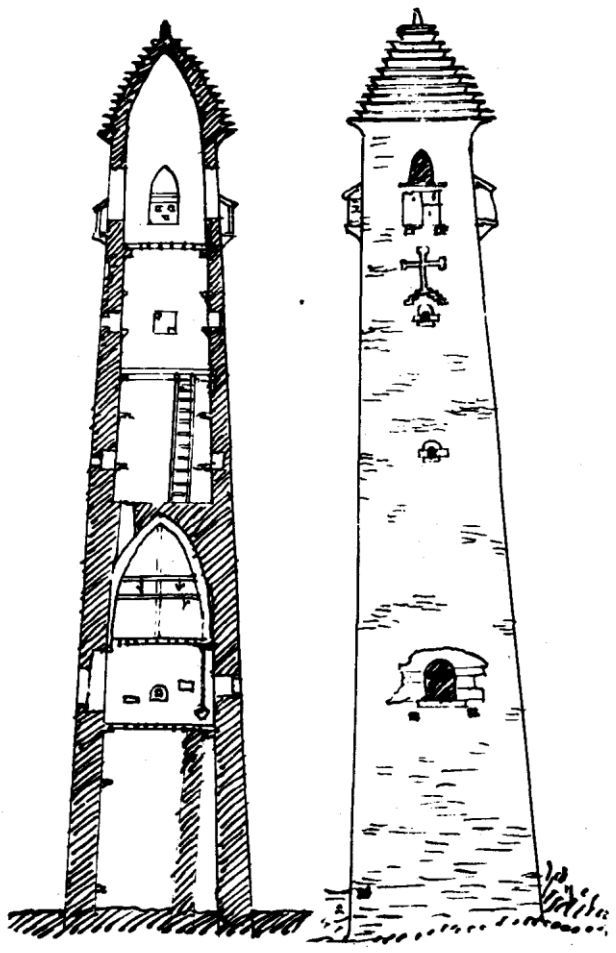

Рис. 4. Боевая башня. Ингушетия

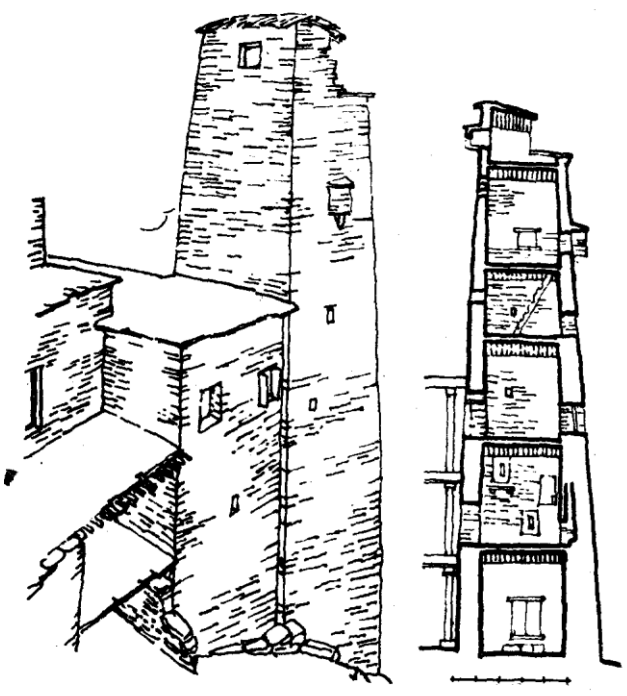
Рис. 5. Дом-крепость и башня. Авария. Дагестан

4. War tower. Ingushetia

5. A house-fortress and a tower. Avaria. Dagestan

Ансамблям, состоящим из боевых башен, домов-крепостей, жилых домов, лишенных оборонительных функций, и объединенным вместе с хозяйственными постройками в одно целое каменной глухой оградой, присущи уже черты раннефеодальных замков. Повсеместно на Кавказе этот тип укрепленных жилых комплексов относится к периоду начавшейся дифференциации общественных отношений.

Северная Осетия расположена в верхнем течении Терека. Существовавшая длительный исторический период угроза нападения извне, наряду с внутренними межродовыми конфликтами, вынуждала население Северной Осетии до XIX в. включительно сооружать укрепленные селения, состоящие из жилищ башенного характера. Об-

лик укрепленного селения складывался из различного сочетания основных элементов: дома-крепости в 3-4 этажа "ганаха", и каменных двухэтажных домов с примыкающими к ним боевыми 4-7-этажными башнями "мосыгами" (рис. 3,75). Комплексы крепостного типа состояли из дома-крепости "ганаха", боевой башни "мосыга" и хозяйственных помещений, окруженных общей каменной стеной. Такой комплекс носил название "галун" и по существу представлял собой родовое укрепленное гнездо [11, 12, 13] . "Галуны" принадлежали большим патриархальным семейным общинам и в условиях феодального строя становились привилегией и собственностью феодала [14] . Боевые башни играли исключительно важную роль, состоятельность и общественный вес того или иного рода измерялись величиной боевой башни [15]. Кроме боевых башен, входивших обязательным элементом в жилые комплексы, в стратегически важных местах сооружались еще сторожевые башни. В настоящее время в этих сооружениях уже никто не живет, и большинство башен разрушено. Сходное с осетинским, укрепленное жилище сооружали балкарцы и карачаевцы [16].

Чечено-Ингушетия находится в юго-восточной части Северного Кавказа. Чечены и ингуши коренное население Северного Кавказа. Переселение с гор на равнины началось в Ингушетии с XУ1-XУП вв. В горах ингуши жили родоплеменными группами [17]. В Чечено-Ингушетии еще в X1X в. существовали многочисленные укрепленные селения, размещавшиеся группами в горах по отдельным ущельям. В Ингушетии, где процесс классового расслоения протекал медленнее, чем в Чечне, сохранилось значительно больше башенных ансамблей, не-

жели в остальных районах. (рис. 76, 77). Б. Плечке в 20-х годах нашего столетия застал еще дома-крепости и боевые башни в некоторых селениях Чечни [18].

Дом-крепость "гала" имел повсеместное распространение, являясь основным элементом структуры укрепленных селений. Прямоугольный (9-10 x 8-9 м), реже квадратный в плане объем дома-крепости имел 2-4 этажа. В первом этаже размещали домашних животных и подсобные помещения, второй этаж отводился под жилье (его площадь достигала 70-100 м^2), верхний выполнял оборонительные функции. Основным строительным материалом был камень. В некоторых домах-крепостях ("гала") для облегчения конструкции междуэтажных перекрытий в центре ставили столб. Во втором, жилом, этаже устраивался самостоятельный вход снаружи при помощи приставной, легко убирающейся лестницы; высота дверного проема не превышала 1,3-1,5 м. Окон в "гала" не делали - их заменяли бойницы [19, 20, 21. 22].

Боевые башни "воу" чаще всего ставились в непосредственной близости от домов-крепостей ("гала"). В плане они приближаются к квадрату 4,5x4,5 м. Боевые башни имеют 4-6 этажей, отличаются стройностью пропорций и высоким строительным искусством; их высота достигает 25 м. Наиболее законченный вид имеют башни, суживающиеся кверху, с пирамидально-ступенчатой кровлей. В Ингушетии, в селении Эрзи, до настоящего времени сохранилось девять таких башен, каждая из которых принадлежала родственному объединению "тейпу" [23, 24, 25].

Дом-крепость "гала" и примыкающая к нему вплотную или стоящая с ним рядом боевая башня "воу" составляли вместе оборонный комплекс. В дальнейшем эти оборонные ансамбли расширяются, появляется каменная ограда, объединяющая разросшийся жилой комплекс "галан". Боевые башни - это элементы жилого комплекса с автономными оборонительными функциями. В случае угрозы всему селению или "обществу" эти башни включаются в систему общей обороны [26]. Б. Плечке приводит сведения о том, что в Ингушетии дом-крепость является собственностью семьи, которая в нем живет и может его продать. Боевые башни не продаются - они принадлежат семье, роду, клану [27].

Наиболее ранние башенные сооружения Ингушетии датируются Е.И.Крупновым XП-XШ вв., а более поздние относятся к XУП-XУШ вв. Он же отмечает наличие элементов грузинского языка в ингушском словаре, усматривая в этом следы как весьма древних хозяйственных и культурных взаимоотношений, так и более поздних, XП-XШ вв., между Грузией и Ингушетией [28]

Дагестан - "страна гор" - расположен на северном склоне восточной части Большого Кавказа. В горных и высокогорных районах до недавнего времени жили в укрепленных селениях. В монолитных селениях, где часть домов выполняет роль крепостных стен - бастионов, улицы-тропы часто проходят под домами. Дома-крепости занимают целые кварталы. Боевые башни при домах и внутри селений преследовали узкую задачу - обеспечить безопасность их владельцам (рис. 5,78-80). Башни, предназначенные для общих целей обороны, возводились с максимальным использованием топографически выгодных мест и составляли систему взаимосвязанной, продуманной обороны [29, 30].

Дома-крепости при поэтажной площади в 50-100 м^2 достигают 5-6 этажей. Нижний этаж нежилой. Домашних животных полностью или частично содержали в специально выделенных для этой цели общесельских помещениях [31, 32]. В Аварии получил развитие особый вид укрепленного жилища. Он состоит из плотно примыкающих друг к другу нескольких домов-крепостей, имеющих между собой внутреннюю связь, и представляет, по определению Г. Л. Мовчана, фаланстерную систему организации оборонного жилища. В домах этого типа, помимо военной целесообразности объединения домов-крепостей между собой, отразилась структура одной из форм развития внутриродовых отношений [33]. К фаланстеру примыкает боевая башня, находящаяся в коллективном пользовании всех владельцев "длинного" дома.

К каждому дому-крепости и однозальным домам примыкала в прошлом боевая башня. Почти все они к 30-м годам нашего века были разрушены или перестроены. Размеры башен колебались по высоте в пределах 3-6 этажей, в плане 4,6-5,0 м. Вход в башню, так же как в домах-крепостях, был приподнят над землей на 2-4 м. Нижний этаж был изолирован от остальных, верхний, завершающий, имел боевую коронку [34, 35, 36, 37]. Замковые комплексы, состоящие из группы домов, боевой башни и хозяйственных помещений, обнесенные оборонительной стеной, появляются позднее.

Примером независимости существования высокогорных районов внутри многих стран Закавказья и Северного Кавказа может служить Дагестан, где на расстоянии менее 100 км от Дербентских ворот (столбовой дороги в Европу на протяжении сотен лет) существовала зона "полюса недоступности" и где в изолированных областях еще в XIX в. сохранились общинно-родовые отношения на стадии разложения. "Вольная Аварія", например, не входила даже в состав Аварского ханства, имея местное самоуправление [38]. Значительное влияние на Северный Кавказ оказывали древние Закавказские цивилизации - Албанская, Грузинская и Армянская. В Аварии были обнаружены надписи грузинскими буквами на аварском языке. Разбирая доисламский период в Дагестане, Е. М. Шиллинг находит много общих черт у горцев Грузии и Дагестана и отмечает тесные связи между ними [39].

На территории Закавказья укрепленное жилище известно в 1 тыс. до н.э. и ранее. В некоторых высокогорных районах Грузии, Азербайджана и северо-восточной Турции башенная архитектура существовала еще в конце XIX - начале XX в. Анализу башенного жилища Грузии посвящен один из разделов этой книги.

В Азербайджане укрепленное жилище было распространено в Закатальском и Белоканском районах, расположенных на южных склонах Большого Кавказа. Боевые башни и хорошо укрепленные усадьбы принадлежали Джаробелоканским "вольным обществам", которые вели бесчисленные войны с окружающими их соседями. Вход в башни затруднен, лазы заменяют лестницы, завершающий этаж снабжен боевой коронкой [40, 41]. Общие приемы организации укрепленных селений и отдельных башенных ансамблей композиционно мало отличались от соседних с ними грузинских и дагестанских башенных комплексов.

Еще в 1880-х годах в некоторых селениях между Трапезундом и Самсуном ме-

завшего периодического возобновления. В этих условиях с древнейших времен у оседло живущих племен вырабатывалась высокая техника сооружения и восстановления монументальных башенных ансамблей из пахсы.

В зависимости от конкретной обстановки получали развитие разнообразные местные приемы организации оборонных селений, усадеб и отдельных домов. Преобладающее распространение имели решения, типологически сходные с переднеазиатскими и кавказскими укрепленными комплексами. "Учек" аналогичен дому-крепости. Он соединяет в одном объеме функции жилья и обороны. Вход во второй этаж расположен высоко над землей, в него ведет съемная, легко убирающаяся лестница. Глухой, безоконный объем в нескольких местах прорезают бойницы."Учек" ставят отдельно или включают в общую систему обороны укрепленной усадьбы или селения-крепости.

Боевые башни "динги" были придомовыми, приусадебными и общесельскими (рис. 8,87). Их ставили на полях и в стратегически важных местах, где они совмещали дозорно-сигнальную службу с

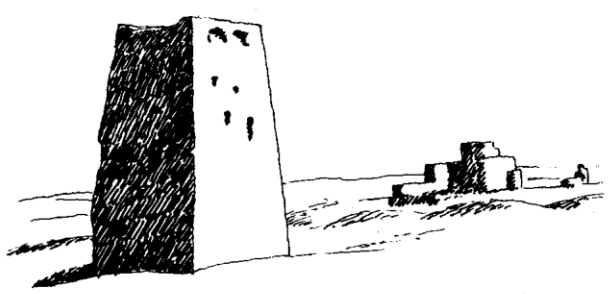

Рис. 8. Динг. Анау. Туркмения

8. A ding Anau. Turkmenia

оборонительными функциями. Квадратная в плане форма преобладала, круглая применялась значительно реже. Основным строительным материалом была пахса, каменные башни сооружали в районах, богатых камнем. "Динги" мервских усадеб имели высоту от 10 до 20 м. В башню попадали на уровне пола второго этажа. Для наружного входа и связи между этажами пользовались съемными лестницами [64, 65, 66].

Укрепленные усадьбы "Qala" прямоугольного или квадратного очертания в плане обносились глухими, сложенными из пахсы ограждениями. По углам, и часто над входом, возводились оборонные башни "динги". Часть ограждения одновременно являлась одной из стен жилых домов или других сооружений, входящих в "Qala". Иногда в усадьбе ставили только один "динг" или один "учек". "Qala" были обязательным элементов многих поселений. [67, 68].

В Туркмении укрепленные селения сочетали интересы коллективной и индивидуальной обороны. В предгорьях Копет-Дага, где периодически происходили военные столкновения, все селения носили оборонный характер, при домах имели "динги". В мервских жилых ансамблях при домах ставили оборонные башни. Приамударьинские "ховлы"-крепостицы обносились глухой оградой, непременным элементом этих усадеб был дом-крепость "учек". Среди разнообразных типов укрепленного жилища Туркмении наибольшую стойкость обнаруживает башенная форма. Она прослеживается на ряде памятников с древних времен. В настоящее время можно судить о башенном жилище только по постройкам сравнительно недавнего времени, так как в основном они строились из пахсы.

В Таджикистане географическая расчлененность, климатические перепады и различия в уровнях социально-экономического и культурного развития между отдельными областями создали предпосылки для появления разнообразных типов жилища. Горные районы характеризуются плотной монолитной застройкой на землях, не пригодных для земледелия. В Южном Таджикистане ансамбли укрепленного характера размещали в долинах высокогорных областей. Их называли "калча". Укрепленное жилище типа дома-крепости предшествовало развивающемуся по горизонтали, замкнутому одноэтажному жилищу, группирующемуся вокруг внутреннего открытого двора. Обороноспособность этих одноэтажных комплексов усиливалась местным повышением объемов по углам или над входом [69].

В Киргизии получило развитие жилище типа дома-крепости, принадлежавшее одной семье. Появление этой формы связывают с согдийцами - предками современных таджиков. Эти дома в районе Бухары, Самарканда и Хорезма называют согдайским словом "кёшк" [70]. Следует отметить, что именно дом-крепость "кёшк" получил наибольшее распространение как тип укрепленного жилища на территории всех республик Средней Азии. Дальнейшая эволюция приводит к усложнению планового и объемно-пространственного решения домов-крепостей, превращая их в феодальные замки.

Одновременно с укрепленными поселениями оседло живущих племен сосуществовали многочисленные формы кочевого и полукочевого жилища. Часть кочевников, передвигавшихся по замкнутому, веками повторявшемуся годовому циклу, совмещала жизнь в юртах в летний период со стационарным укрепленным поселением в зимнее время. Внутри двора, окруженного высокими глинобитными стенами с бойницами и угловыми башнями, размещались юрты. Их количество достигало нескольких десятков [71]. Образовывался своего рода симбиоз двух типов жилища - кочевого и стационарного, оборонного. Таким образом, в Средней Азии, наряду с уже известными нам формами укрепленных селений, появляются и принципиально новые решения.

Индия в физико-географическом отношении страна контрастов. Ее территория включает Гималайско-Гиндукушскую горную систему, плоскогорье Декан, прибрежные районы Индийского океана, Бенгальского залива и Аравийского моря. Географические контрасты дополняются социальными. Во многих областях (в особенности высокогорных), часть населения тысячелетиями жила в условиях родоплеменного строя, патриархально-родовых отношений и их остаточных явлений, сохранявшихся при всех классовых формациях. Эти условия благоприятствовали длительному существованию реликтовых форм жилища, в том числе и оборонного типа.

Высокогорное жилище Индии имеет много общего с жилищами горных областей Тибета, Средней и Передней Азии, а также районов Большого Кавказа. Оседлое население живет в домах общего для гималайских народов типа - домах-крепостях в 2-4 этажа, с глухими стенами, затрудненным входом, с плоской или двускатной кровлей, в зависимости от количества выпадающих осадков (рис. 88, 89). Планировка селений в горах скученная; они расположены как бы под общей крышей, или ступенчато, по склонам гор.

В Пенджабе и Кашмире имеются селения-крепости, обнесенные оборонительными стенами с башнями, снабженные бойницами. При некоторых селениях предусматриваются специальные укрепления, в которых население укрывалось в случае опасности. В Бутане основным строительным материалом является камень. Дома 2- и 3-этажные и выше. Первый этаж отводится для скота и под хозяйственные нужды, в остальных - живут.

В северо-западном районе Пакистана, в Пуштанистане, в зоне перевалов, ведущих из Индии на Передний Восток, Среднюю Азию и Кавказ, наряду с многочисленными домами-крепостями встречаются укрепленные селения, обнесенные оборонительными стенами в окружении отдельно стоящих башен. Почти в каждой деревне был общий мужской дом, представляющий собой глухой объем с одним низким входом и бойницами вместо окон. У горных племен сохраняются остаточные формы родоплеменной организации и обычай кровной мести. На севере Пакистана, на границе с Афганистаном, в некоторых деревнях еще сохранились оборонительные башни и каменные ограды. Сооружение укрепленного жилища в Индии известно начиная с Ш тыс. до н.э. и обитаемо в некоторых местах до настоящего времени [72, 73, 74].

Непал - высокогорная страна, 80% ее территории составляют горы. В непосредственной близости от главных караванных троп, идущих по территории Непала, в каменных мешках изолированных ущелий в условиях самоизоляции веками существовали отдельные племенные группы. Надежная защита из естественных барьеров дополнялась искусно возводимыми оборонительными элементами. Поселения состоят в основном из 2-4-этажных домов-крепостей. Стены внизу глухие, вход затруднен. Из различных композиционных сочетаний объемов прямоугольных в плане домов-крепостей, в зависимости от внутриродовых отношений и характера окружающего ландшафта, складывается облик отдельных селений (рис. 90). Оборонные башни усиливают общее впечатление неприступности, превращая деревни в цитадели [75, 76, 77]. В северных районах страны широко применяется террасирование склонов гор с высотой ступеней, доходящей в отдельных местах до 5 м.

Горные районы Непала мало исследованы, их посещали главным образом альпинисты. Но имеющиеся данные указывают на средоточие в этих местах в прошлом значительного количества башенных селений. Так, княжество Мустанг в Непальской провинции в Гималаях было основано в 1380 г. в результате захвата и разрушения двадцати "крепостей". Их развалины сохранились до настоящего времени [78]. Шерпы живут на "плечах Джомолунгмы", их селения состоят из двухэтажных каменных домов крепостного типа, крыши плоские или двускатные, в зависимости от количества осадков в районе. В первом этаже находятся хлев и кладовые. В однозальном втором этаже сосредоточены все жилые функции [79].

В Индии, Непале, Пакистане применяли различные строительные материалы, творчески решая проблемы сочетания разнообразных форм жилища. Народные мастера сооружали круглые в плане глинобитные или бамбуковые жилища с конусообразной крышей, дома открытого типа с верандами и балконами, с плоскими скатными или ярусными крышами, а также замкнутое укрепленное жилище.

В Китае формы народного жилища были не менее разнообразными, чем в Индии. Они отражают природные контрасты страны, где имеются степи и горы, пустыни и плодородные долины рек, субтропики и вечные снега. На формообразование жилища оборонного характера большое влияние оказывали различные стадии социально-экономического и культурного развития в стране

В течение длительного исторического периода кочевые племена теснили северных китайцев, заставляя их передвигаться на юг. В южных провинциях, в Хунане, Гуандуне, Гуанси, Гуйчжоу, в некоторых уездах Сычуани и Юньнани пришедшие с севера племена вступали в длительные конфликты с аборигенами. Создались благоприятные условия для развития и концентрации именно в этих провинциях различных форм укрепленного жилища (рис. 9–11). В китайском языке есть специальный термин "пу", означающий укрепление сельского типа, а также "чжай", означающий деревенскую "крепостицу" [80, 81].

Одна из форм жилища типа "чжай" представляет 1- или 2-этажную укрепленную усадьбу, состоящую из жилых и хозяйственных построек, группирующихся вокруг замкнутого небольшого дворика, носящего название "тянь-цзин", что означает "небесный колодец". В глухом, безоконном массиве такой "крепостицы" устраивался только один проем для входа. В прошлом жилище этого типа принадлежало одной семье. На юге и юго-западе Китая обязательными элементами большинства укрепленных селений были дома-крепости (рис. 91) и боевые башни.

Ицзу, населявшие горные районы Ляньшаня, отсиживались в них столетиями, и китайские императоры ничего не могли с ними сделать. Ляньшаньские ицзу принад-

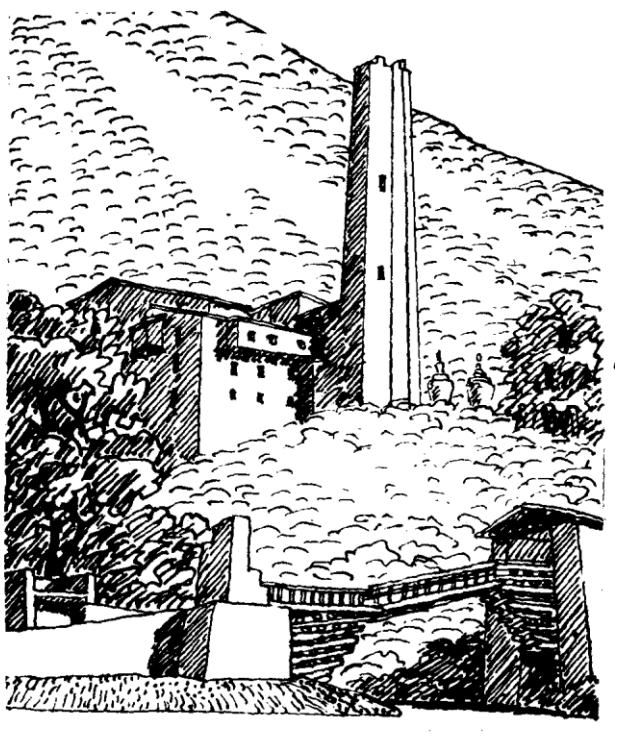

Рис. 9. Дом-крепость. Гуандун. Китай

Рис. 10. Укрепленный ансамбль с башней в селении Цзяжун. Тибет. Китай

Рис. 11. Дома-крепости в селении Цзяжун. Тибет. Китай

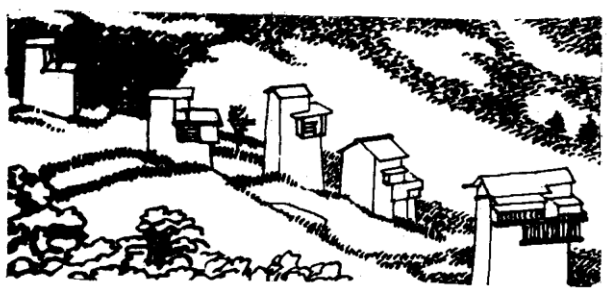
9. A house-fortress. Guandun, China

10. A fortified complex with a tower in Tszjazhun village, Tibet, China

11. Houses-fortresses in Tszjazhun village, Tibet, China

лежат к народности "и", они населяют центр горного Ляньшаня и живут в домах-крепостях, к которым примыкают башни (рис. 92, 93). Селения, принадлежащие ицзу, имели по 8–10 высоких башен и располагались в местах с затрудненными естественными и искусственными подходами. В этих районах до недавнего времени постоянные военные столкновения местного и общего характера осложнялись кровной враждой, переходившей из поколения в поколение [82, 83, 84, 85].

В провинции Сычуань группа тибетцев цзяжун, заселивших долины в горном массиве Лайбалиншень, живет в укрепленных селениях, состоящих из домов-крепостей и башен высотой 18–20 м. В горных областях провинции Гуанси укрепленные селения располагались на крутых отрогах террасообразно. Народы группы мяо живут в деревнях оборонного типа, состоящих из домов-крепостей в 2–3 этажа и башен. Поселения мяо называют в литературе "чжай". Структура застройки в этих селениях плотная, взаимное расположение домов-крепостей предусматривает возможность индивидуальной и общей эффективной защиты от нападения. У мяо есть и одноэтажные каменные однозальные дома. Окон нет, их заменяет входная дверь. Семья и домашние животные находятся вместе [84, 85].

Укрепленное жилище юго-восточных провинций Китая сосредоточено в верховьях Меконга и Янцзы. В провинции Юньнань имеются поселения типа "чжай". В группе народов Южного и Юго-Западного Китая народность кава живет в горном районе Симэн. Постоянная борьба с многочисленными внешними врагами, пытающимися их покорить, заставила их создать особый тип укрепленной деревни – "даковы", где все усилия направлены на коллективное отражение внешней опасности.

Селения состоят из 100–120 домов. Дома приподняты над землей на высоту до 2 м; связь с землей осуществляется при помощи бревна с зарубками, которое легко убирается. Деревни по периметру обносятся земляным валом высотой 2–3 м и такой же ширины. Вал специально обсаживается кактусом. Недалеко от вала выкапывается глубокий ров. Попасть в деревню можно только через специально устроенные тунели, расположенные в разных концах деревни [85].

В высокогорных районах Тибета очень высоко проходит граница вечных снегов, что позволило тибетцам, жившим обособленной группой, заниматься земледелием и животноводством на высоте до 5000 м. Поселения состоят из домов-крепостей в 2–3 этажа. Дома иногда настолько близко примыкают друг к другу, что с крыши на крышу перебрасываются доски для перехода из одного дома в другой. На склонах гор монолитная застройка носит ступенчатый характер. В центральном Тибете дома возводятся из камня, в восточной части страны преобладают глинобитые дома, а в области Амдо, в лесных районах, бревенчатые. У тибетской группы народностей цзяжун и цян встречаются каменные, четырехугольные в плане баш-

нат определяется этажностью. Из этого основного ядра впоследствии развиваются различные варианты. Оборонный характер усиливается устройством по углам четырех башенок (рис. 98). В предгорьях и прибрежных районах центральная комната замкнутого прямоугольного жилища башенного характера превращается уже в открытый двор – "патио". Но внешний вид не претерпевает заметных изменений, сохраняя замкнутый оборонный характер.

В горах Анти-Атласа строили общественное укрепленное здание круглого или прямоугольного очертания, принадлежавшее всем жителям селения. Каждая семья имеет в нем свою комнату, где сохраняются принадлежащие ей ценности. Эти каменные крепостные сооружения – "агадир" – способны выдержать длительную осаду, для чего в них предусматриваются даже водоемы. "Агадиры" стараются замаскировать; выполненные из окружающего естественного камня – сланцев и песчаника – они сливаются со скалами, органически включаясь в пейзаж. Их план всегда строго геометричен, объемы просты; обращает на себя внимание демократизм условий владения и использование "агадира".

"Кзары" Атласа отличаются от укрепленного жилища Анти-Атласа размерами, характером архитектуры и применением декора. "Кзары" в плане почти всегда квадратные, с усложненной поэтажной планировкой дифференцированных помещений. Четыре угловые башни с амбразурами придают всему сооружению замковый характер. Верхушки стен украшаются геометрическим рисунком, плоским или рельефным. Стены, массивные внизу, постепенно утончаются кверху [114, 115].

Оседлое крестьянское население Алжира живет в деревнях, расположенных близ городов; в Телле часть деревень размещается по склонам и вершинам гор, а также в оазисах Сахары. Доминирует одноэтажное жилище с открытым очагом, с содержанием домашних животных в том же помещении. Оседлые поселения в оазисах обносятся оборонительными стенами; в центре селения сооружают "касбы" – многоэтажные дома-крепости, куда укрывается население в случае нападения [116].

Наглядным примером из недавнего прошлого можно проиллюстрировать действенность укрепленного жилища в борьбе за независимость. Народы Северного Камеруна в конце XVШ – начале XIX в. подверглись нашествию полукочевников-скотоводов фульба. Установив власть над населением равнинных народов, они оказались не в состоянии подчинить себе горцев Макдара, которые продолжали жить независимыми родоплеменными общинами в укреплениях, выстроенных на вершинах гор. Крепость, принадлежавшая вождю племени, отличалась от рядового укрепленного жилища только размерами и более развитой системой оборонительных элементов [117].

В Африке, в Северной Родезии, были открыты развалины каменных сооружений из гранитных блоков высотой до 16 м, происхождение которых до сих пор не выяснено [118]. Во Французском Судане, на плато к югу от Тимбукту, племя догон строило башенное жилище круглой и прямоугольной конфигурации в плане [119]. В Эфиопии получили распространение "тукули" – круглые 2–3-этажные жилища оборонного характера. К планомерному обследованию архитектуры труднодоступных областей Африканского континента по существу еще не приступали. Но общность форм архитектуры укрепленного жилища обитателей Африки с народами других континентов несомненна (рис. 99, 100).

Состояние современных знаний об архитектуре укрепленного жилища Северной Америки пока ограничивается фиксацией этой формы у североамериканских индейцев на территории юго-западных штатов США. В этих районах сохранились руины многочисленных ансамблей различных типов укрепленных индейских селений, датируемых УП–ХШ вв. [120] Часть из них, например, Меза Верде, вырублена в мягких породах или построена из камня под нависающими скалами Столовой горы в огромных нишах – гротах долины р. Санхуан в Верхнем Колорадо.

Крепостное селение Меза Верде включает в свою композицию все элементы оборонной архитектуры, применявшиеся у индейцев: многоэтажные комплексы; прямоугольные, квадратные и круглые в плане постройки с глухими стенами и входами через люк в плоских крышах, на которые попадают по приставным лестницам; оборонные башни; надземные и подземные "кива"

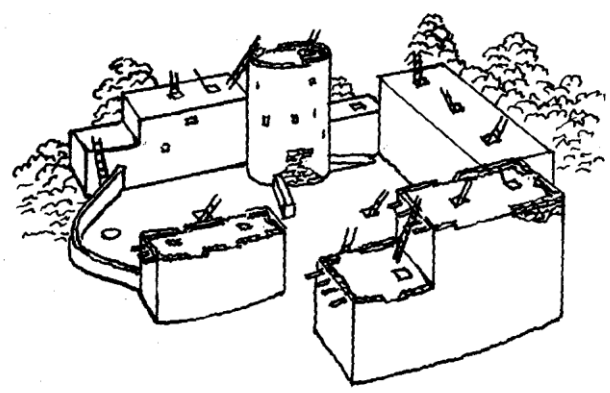

Рис. 17. Фрагмент структуры Меза Верде. США. (Реставрация по Меритью)

17. Details of Meza Verde structure. USA (restoration to Meritju)

(так называются все круглые в плане помещения); субструкции и ограждения, придающие законченный вид всему ансамблю в целом (рис. 101, 102). Относительно хорошо сохранившаяся башня в Меза Верде имеет четыре этажа. Время сооружения Меза Верде относят к периоду от 1100 до 1150 г. [121].

Укрепленные комплексы, ступенчато высеченные в скалах, достигали восьми ярусов. Сплошные стены без проемов, отсутствие видимой связи между ярусами (она осуществлялась при помощи съемных лестниц) еще больше увеличивали обороноспособность селения. Входы в жилые помещения предусматривались сверху через люки и только на высоко расположенных над землей верхних террасах допускали в отдельных случаях устройство дверей. Комнаты в основном были одинаковых размеров, а их количество в отдельных селениях достигало нескольких сот. Пуэбло Бонито, постройку которого относят к 919–1130 гг., имеет 800 камер.

В Нью-Мексико, в каньоне р. Галлины, в 1933 г. был обнаружен грандиозный ансамбль жилых башен. На площади в 56 х х 180 км размещено более 500 жилых башен. Скалистая, труднодоступная местность служила дополнительным барьером, защищавшим от вражеских вторжений. Башни в основном четырехугольные, у некоторых срезаны углы, отчего они кажутся почти круглыми. Стены возведены из необработанных блоков местного песчаника, крыши деревянные. Жилые башни имеют высоту 7,5–9 м, связь между этажами осуществляется через лазы в перекрытиях по приставным лестницам. Внутренние размеры башенных домов колеблются в пределах 6 х х 6 м. Датируются они ХП–ХШ вв. Примечательно, что наружные входы в эти жилые башни размещаются наверху, под дву-

скатной кровлей. Характерный для всей Евразии прием устройства затрудненных входов в башни на расстоянии 2–5 м от земли у индейцев решается более радикально и устраивается на крыше или под ней. Традиция устройства входа в жилище наверху сохранилась у североамериканских индейцев до сих пор [121].

Крепостное жилище Центральной и Южной Америки, а также островов Тихого и Атлантического океанов в настоящей работе не рассматривается; в связи с недостаточностью объема имеющейся информации. Но следует отметить, что оборонное жилище, в том числе башенная форма, существовало и у ацтеков в доинкский период в Перу. Испанские конквистадоры в начале XУ1 в. открыли в Колумбии, в районе Боготы "долину замков". Индейцы одного из племени муисков жили в бревенчатых крепостях, размещенных на холмах и скалистых вершинах [122, 123, 124] Укрепленное жилище имеется на островах Пасхи, Рапа (Полинезия) и Новой Зеландии [125]. Совершенно не обследованы центральные районы Южной Америки, где историко-географические открытия продолжаются до настоящего времени.

Башенное жилище в штатах Колорадо и Нью-Мексико и Аризоны датируется УП-ХУ вв. и с несомненностью указывает на существование этой формы жилища у индейцев в доколумбовой Америке. Таким образом, гипотеза о формировании народного башенного жилища только под влиянием развитых классовых формаций, на американском материале не подтверждается.

Сопоставление сведений об укрепленном жилище разных стран выявляет определенные закономерности в географии его размещения. Очаги оборонного жилища от Тихого до Атлантического океана в основном размещаются в широтном направлении в зоне 20–45° северной широты, на территории Евразии, Африки, Америки и на некоторых островах, главным образом Средиземного моря в местах, защищенных труднопреодолимыми естественными барьерами. Имеющиеся сведения о сохранившихся еще в X1X–XX вв. реликтовых формах укрепленного жилища указывают на преимущественную концентрацию этого жилища в горных массивах Гималаев, Гиндукуша, Передней Азии, Большого Кавказа, Карпат, Альп, Пиренеев и некоторых других горных системах Африки и Америки.

Сравнительный анализ географии размещения башенного жилища указывает на сходство в принципах расселения, достаточно подробно разбиравшееся выше по отдельным странам. Изолированные области, среди которых высокогорные районы занимают первое место, на всех континентах служили самым надежным укрытием для реликтовых форм социальных отношений, нашедших отражение во всех аспектах существования, в том числе и в формах жилища.

Общая география размещения башенного жилища претерпевает территориальные изменения при общей тенденции к повсеместному сокращению занимаемой площади. К X1X в. укрепленное жилище сохраняется лишь в труднодоступных, преимущественно высокогорных областях. Во многих странах мира следы существования башенного жилища обнаруживаются только по древним источникам, как, например, в Иране, Египте, Сирии.

Заканчивая общий обзор распространения существующих ансамблей укрепленного жилища, следует отметить, что изложение этого материала предшествует рассмотрению древних источников в связи с тем, что сопоставление сохранившихся реликтовых форм оборонного жилища с древними источниками помогает их расшифровке.

Глава II

ИССЛЕДОВАНИЕ ФОРМ УКРЕПЛЕННОГО ЖИЛИЩА ПО ДРЕВНИМ ИСТОЧНИКАМ И БАШЕННЫМ АНСАМБЛЯМ ГОРНОЙ ГРУЗИИ

Древние источники

Изучение древних источников расширяет рассмотренную выше географию размещения укрепленного жилища. Во многих странах, где получил развитие этот тип жилища, он исчезает повсеместно уже на ранних стадиях классообразования, и его следы обнаруживаются только по дошедшим до нас руинам, письменным сообщениям, археологическим раскопкам и некоторым сохранившимся памятникам материальной культуры, главным образом мемориального и культового характера. В отдельных случаях такие памятники становятся единственным источником, позволяющим получить сведения об исчезнувших очагах укрепленного жилища.

Имеющиеся исторические и археологические данные указывают на большую насыщенность памятниками оборонного жилища территории Передней Азии и прилегающих к ней районов с древних времен. Связи между Передней Азией, Кавказом и Средиземноморским бассейном носили устойчивый характер, их отражают памятники материальной культуры и в том числе древнее жилище: дольмены (рис. 103), циклопические крепости, нураги и другие типы оборонного жилища, получившие распространение в этих районах.

Археологические раскопки последнего времени свидетельствуют о появлении этой формы жилища на территории Передней Азии уже в УП тыс. до н.э. В Шумере, в период "Джемдет Наср" (1У–Ш тыс. до н.э.) пиктографический знак стены с башней (АТИ, № 621) означал поселение [126]. Следует отметить, что и наибольшее количество существующих ансамблей оборонного жилища падает именно на эти районы.

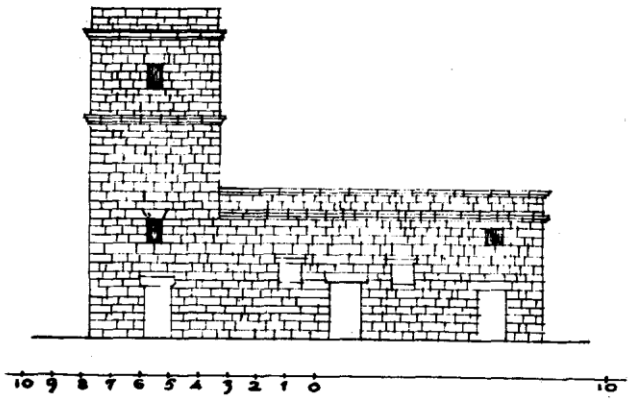
Примером древнейшего изображения башенного жилища является модель бревенчатого дома с двускатной кровлей эпохи

Сирии, независимо от сложности планировочного и объемно-пространственного решения композиции в целом.

Башенное жилище сооружали из естественного, легко поддающегося обработке камня, которым так богата Сирия. Долговечность материала и высокая культура обработки камня послужили причиной частичной сохранности некоторых из этих древних ансамблей. Многочисленные здания жилого, общественного и культового характера в Сирии отражают влияние античной архитектуры. Но вместе с тем сирийские приемы строительного искусства воздействовали, в свою очередь, на развитие строительной техники Рима. Башенные мемориальные сооружения Пальмиры при античном характере трактовки отдельных деталей повторяют местную форму замкнутого башенного жилища.

На европейском континенте и в Средиземноморском бассейне следы укрепленного жилища обнаруживаются со времени неолита [157]. Архитектура оборонного жилища на о-ве Крит возникла в период межплеменных и внутриплеменных конфликтов, предположительно в 2100-1570 гг. до н. э. На найденных при раскопках на Крите фаянсовых табличках изображено укрепленное жилище типа дома-крепости. Глухие первые этажи при минимальном количестве небольших по размеру окон в верхних этажах придают домам оборонный характер (рис. 104). Эванс относит эти таблички к раннеминойскому периоду (XУШ-XУПвв. до н. э.), а изображенные на них дома – к башенному жилищу местных варварских племен. По его предположению, в первых этажах этих домов размещался скот [158]

Из 42 фаянсовых табличек, изображающих дома-крепости (или башенные дома, как их

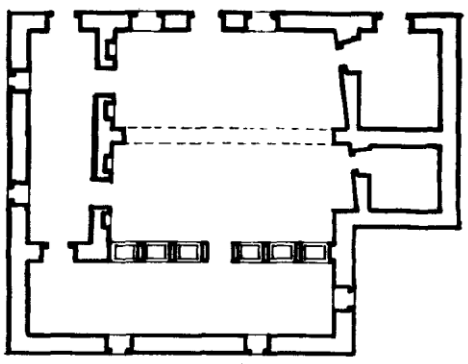

Рис. 21. Дом с башней. Южный Хауран (по Батлеру). Сирия

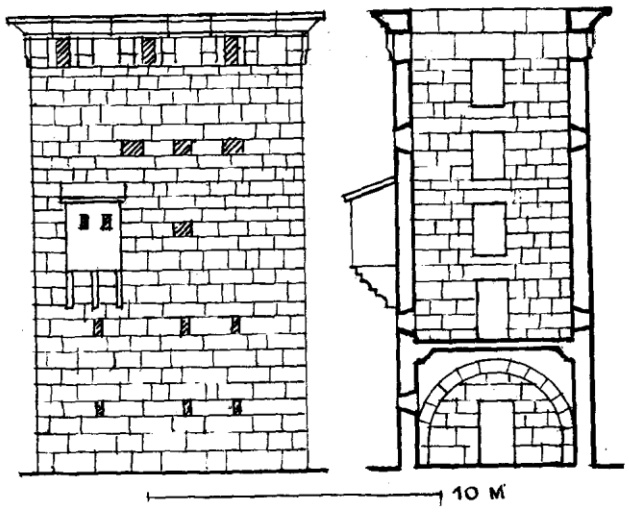
Рис. 22. Дом-крепость. Серджимблех (по Батлеру). Сирия

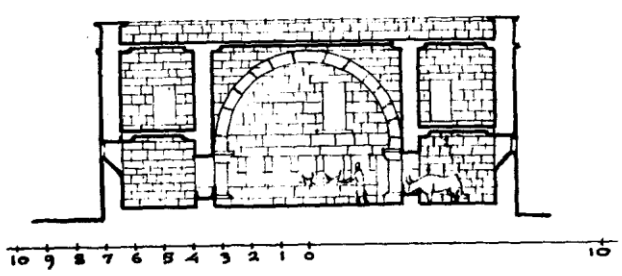
Рис. 23. Ферма (?) в Субхие (по Батлеру). Сирия

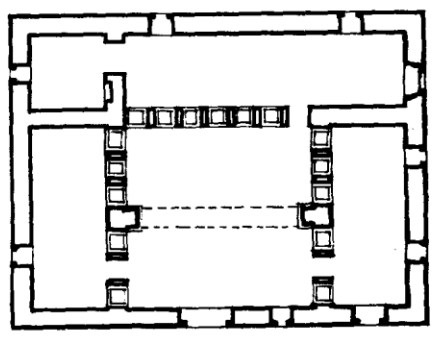
21. A house with a tower. South Hauran (after Butler). Syria

22. A house-fortress Serdgimblekh (after Butler). Syria

23. A country house in Subhije (after Butler). Syria

называет Эванс), только на 8 ясно обозначены входы в первом этаже. На остальных 34 табличках входы отсутствуют.

Предполагают, что наряду с прямоугольными в плане домами существовал и более древний тип круглых в плане жилищ.

К башенному жилищу относятся "нураги" с островов Сардиния и Корсика, и "талайоты" с Балеарских островов. Они появились главным образом к началу эпохи бронзы и продолжали существовать до римской экспансии. В укрепленном поселении бронзового века в Сабриво (Португалия) раскопаны остатки круглых жилищ диаметром от 2,5 до 5,27 м. В центре дома сохранилась база от колонны, поддерживавшей перекрытие в виде ложного купола [157, 159].

Появление нураг на о. Сардиния относят к П тыс. до н. э. Само название "нураги" местного происхождения, оно обозначает массивную круглую башню с наклоненными внутрь стенами, достигающими в высоту 20 м, при диаметре 6–12 м и сложенными из больших камней более или менее регулярной кладки, толщиной от 2 до 5 м (рис. 24, а, б, рис. 105). Вход в эти башни устраивался выше земли на 7–8 м. В помещение попадали по приставным лестницам, которые легко убирались, после чего жилище становилось неприступным. Помещение внутри башен перекрывается вспарушенным ступенчатым ложным сводом. Архаические "нураги" имеют остроконечные крыши, более поздние – плоские. Входы ориентированы на юг и юго-восток. В ранних "нурагах" связь между этажами осуществлялась через лазы в перекрытиях по съемным лестницам, в более поздних их заменили стационарными лестницами, обычно в толще стен.

Первоначально в "нурагах" соблюдался зальный принцип, в каждом этаже один зал, затем постепенно планировка усложняется, и количество помещений увеличивается. "Нураги" имели бойницы с машикулями. Д. Лилиу, посвятивший специальное исследование "нурагам", приходит к выводу, что они строились не столько для защиты от лигурийских пиратов, как элемент защиты Сардинии, а скорее для обороны в случае местных, внутренних конфликтов между кланами, родами, племенными группировками. Жилища эти первоначально принадлежали общинникам и имели ярко выраженный оборонный характер [160].

Бойницы с машикулями на "нурагах" Сардинии – это первое из известных нам появлений атрибутов военной фортификационной архитектуры в Средиземноморском бассейне. Типологическая последовательность развития "нураг" от однозальных с входом со 2-го этажа по временной лестнице до сложных композиционных решений совпадает с хронологической. Появляются сдвоенные башни и сложные взаимосвязанные оборонительные системы, где самодовлеющее значение отдельных башенных домов перестает быть доминирующим.

Археологический материал показывает, что в Центральной Европе в середине 1 тыс. до н. э. существовали укрепленные поселения, состоящие из жилищ круглой и овальной формы, а также квадратной и прямоугольной. Жилища кельтов были укрепленными поселениями, расположенными в труднодоступных местах, их часто ошибочно принимали за города. В Далмации иллирийские племена жили в однозальных, круглых в плане, каменных домах, относящихся к древнейшей местной дославянской культуре. Остатки крепостных иллирийских поселений обнаруживаются к северо-востоку от Адриатического моря [161, 162, 163].

Во Франции существовали укрепленные поселения галльских и кельтских племен. В районе Клермон-Феррана во время раскопок обнаружены крепостные селения, состоящие из башенных домов круглой формы типа "нураг". Дома в основном зального типа и имеют различную этажность. Широко применялись субструкции, оборонительные и подпорные стены, усиливающие эффективность защитных мероприятий. Все поселения укрепленного характера в районе Клермон-Феррана максимально использовали окружающий рельеф для увеличения обороноспособности. Поселения носили характер ячеистой сотообразной структуры. Следов общественных зданий раскопками не

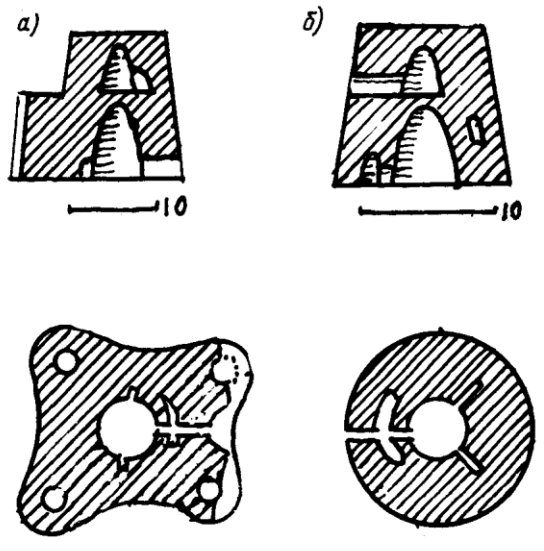

Рис. 24. Нурага из Сардинии: а — квадратная в плане; б — круглая в плане

24. A nuraga, Sardinia: a — square in plan; b — round in plan

обнаружено. Функции обороны в этих селениях несли все дома; жилище вождя отличалось от рядовой ячейки лишь несколько большими размерами. Ориентировочно эти комплексы датируются 1000 г. до н.э. [164].

Укрепленные поселения, аналогичные обнаруженным в Клермон-Феррана, есть на Британских островах. Каменные круглые однозальные жилища с куполообразной кровлей из того же материала расположены группами или отдельно. Их называют "би-хайв"(bee-hive - дома-ульи). Особенно много их в Ирландии, Уэльсе, на Оринейских и Гибридских островах. Каменные ложные системы куполов "би-хайв" имеют различные очертания: от плавных сферических до остроконечных шлемообразных в Шотландии. В Ирландии обнаружено около 28 тысяч укрепленных деревень" rath ". Английские археологи считают, что такие формы жилища сооружались в конце каменного века и позже, до римских времен. Их происхождение они связывали с существованием непрерывных военных конфликтов [165, .166].

Фрагментарные сведения античных авторов об укрепленном жилище в Европе охватывают многие страны и указывают на его распространение главным образом в изолированных (преимущественно горных) областях. Фукидид описывает укрепления пелопоннесцев - огромные башни, построенные для отражения возможных нападений извне [167] . Следует заметить, что фортификационные башни, цитадели, крепости и башни в системе оборонительных стен являлись элементами многих античных городов, но жилища не ассоциировались у античных авторов с башенной формой и вызывали недоумение. Поэтому при описании башенной формы сооружений на территории Европы они либо относили эти формы к фортификационному зодчеству, либо, описывая башенное жилище, причисляли его к разряду диковинных, из ряда вон выходящих явлений.

Жилые башни в селениях давали основание многим античным деятелям считать их городами. Но ошибка эта не ускользнула от внимания некоторых античных авторов, например Страбона и Тацита, которые обнаружили эту неточность в ряде текстов и прокомментировали ее соответствующим образом. Так, Страбон обращает внимание на то, что укрепленные города на "варварской периферии" по сути дела не города, а селения, а называют их так в донесениях для прославления подвигов полководцев и большего блеска победных реляций. Посидоний (слова которого приводит Страбон), высмеивая сообщение Полибия о том, что Гракх разрушил (в Испании) 300 кельтиберийских городов, "ибо он считает городами башни", замечает, что Полибий допускает эту ошибку с целью польстить Гракху [168] .

Описывая Иберию (Испания), Страбон указывает на дикость и суровость народов, живущих в районе Пиренейских гор. Он объясняет эти свойства следствием не только войны, но и изолированностью их положения: "морской путь к ним длинный, равно как и сухопутные дороги; вследствие недостатка сношений они потеряли обходительность и приветливость". Далее Страбон подвергает критике сообщение, что в Иберии более 1000 городов, и указывает, что это преувеличение, поскольку городами называют большие селения. В этом же отрывке он приводит общие рассуждения о том, что неправильно считать городами, селения, имеющие башни [168].

Страбон прав, подвергая сомнению возможность существования такого количества

городов. Ценные комментарии Страбона дают право утверждать, что в зоне Иберийских гор в Испании существовали многочисленные укрепленные селения с домами башенной формы. Археологические находки в древних укрепленных поселениях Кастрос (Castros) и Ситанис (Sitamus) дают возможность датировать их У1-Ш вв. до н. э. - временем, совпадающим с оседанием кельтских племен на Пиренейском полуострове. Остатки "castros" насчитываются многими сотнями. Иберийские поселения обычно невелики, но всегда укреплены [169, 170].

Страбон неоднократно обращает внимание на неравномерность общественного развития на территории средиземноморских островов и Европы. Так, он сообщает в своей "Географии" о том, что на Корсике и Сардинии племена, живущие в горах, не подчиняются завоевателям. Сообщая о суровости климата в Альпах, Страбон одновременно указывает на изолированность многих районов на протяжении длительного времени [171] .

В лесных областях Европы большое распространение имели бревенчатые сооружения. Во второй книге "Трактата об архитектуре" Витрувий описывает местную крепость с бревенчатой башней перед входом в районе Альп. Жители этой крепости отказались снабдить провиантом войско Цезаря. Витрувий дает боевую характеристику альпийской башни. Он сообщает, что она была такой высоты, что с вершины ее можно было сбрасывать большие камни и тяжелые колья. Попытки римлян поджечь эту башню закончились неудачей, башня оказалась несгораемой. Витрувий связывает это свойство с сортом древесины [172] . Но скорее всего дерево было пропитано огнезащитным составом, секрет которого был известен местным племенам. Авл Гелий в "Аттических ночах" говорит о неудавшейся попытке сжечь бревенчатую башню в Аттике из-за того, что бревна были пропитаны квасцами [173].

Римский историк Флор сообщает о даках, занимавших территорию современной Трансильвании, Малой и Великой Валахии. Даки спускались с гор и грабили соседние племена. Доступ к дакам был чрезвычайно затруднен, поэтому император Август дает приказание отодвинуть их еще дальше в горы. Таким образом, тогда Дакия была не побеждена, а оттеснена в горы [174]. Приск Понтийский, один из участников посольства, направлявшегося к гуннскому царю Аттиле в У в., описывая это путешествие в "Готской истории", сообщает об огромных селениях с бревенчатыми хоромами, башнями, оградами, построенными не для безопасности, а ради красоты. Затем описывает деревню, где находился Аттила, похожую на город [175] . Предположительно эти башенные селения находились в Восточной Венгрии. Приск Понтийский особенно отмечает высокое искусство местных мастеров в обработке дерева. При археологических раскопках могил каролингской эпохи были найдены материалы, подтверждающие существование жилых башен [176].

Северное Причерноморье с древнейших времен было связано водными и сухопутными путями с Балканскими странами и Кавказом, а через Закавказье с культурами Древнего Востока. Два приема организации жилища - башенное и однозальное (круглое или прямоугольное в плане) - с различными системами перекрытий, включая ступенчатые центричные, ложные своды в дереве и камне, стражают общие строительные традиции этих стран. У таврских племен горного Крыма (на рубеже П-1 тыс. до н. э.) были укрепленные селения.

вождая эти сведения социальной характеристикой их обитателей. Витрувий, архитектор, в трактате "Десять книг об архитектуре" подробно описывает бревенчатую конструкцию колхидских жилых башенных домов. "У колхидян на Понте, благодаря обилию лесов, кладут лежмя на землю цельные деревья справа и слева на таком расстоянии друг от друга, какое допускает длина деревьев, а на концы их помещают другие, поперечные, замыкающие внутреннее пространство жилища. Затем, скрепляют по четырем сторонам углы положенными друг на друга бревнами, и таким образом выводят бревенчатые стены по отвесу к нижним бревнам, они возводят кверху башни, а промежутки, оставшиеся из-за толщины леса, затыкают щепками и глиной. Так же они делают и крыши; обрубая концы поперечных балок, они перекрещивают их, постепенно суживая, и таким образом с четырех сторон выводят их кверху в виде пирамид, покрывая их листвой и глиной, и варварским способом строят на башнях шатровые крыши". Комментируя свое описание колхидских башен, Витрувий указывает, что они наряду с фригийскими относятся к древнейшим типам жилища [204]. По ценности содержащейся в трактате информации о башенных жилищах этот текст следует поставить на одно из первых мест в истории развития башенных форм.

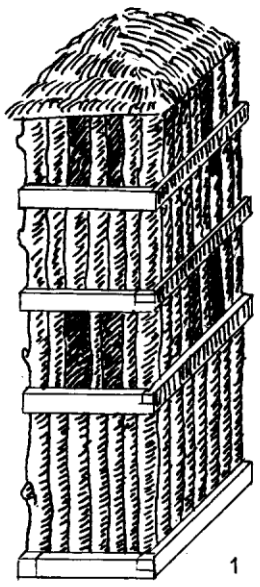
Не менее значительным для истории архитектуры является его описание конструкции деревянной пирамидально-ступенчатой системы перекрытия кровли башни. Колхидское центрично-венчатое перекрытие является по существу одной из разновидностей ложного свода, получившего повсеместное распространение на территории многих стран Кавказа и Передней Азии. Таким образом, Витрувий приводит пример соединения в одном объеме двух важных элементов решения архитектурной композиции – башенной формы и ложного ступенчатого центричного свода.

На основании текста Витрувия было сделано несколько графических реконструкций колхидских жилых башен (рис. 29). Одна из первых принадлежит Чезаро-Чезарини (начало XУ1 в.). Строго следуя тексту, он изображает башенную форму жилища, но допускает ошибку в трактовке конструктивных элементов, нарисовав вертикальную систему бревенчатых стен, вместо горизонтально-венчатой (рис. 29, № 1) Перро в XУП в. и Марини в первой половине X1X в., правильно изображая конструктивную схему, отклонялись от текста в трактовке объемного решения, рисуя вместо башенных – одноэтажные дома (рис. 29, № 2,3).

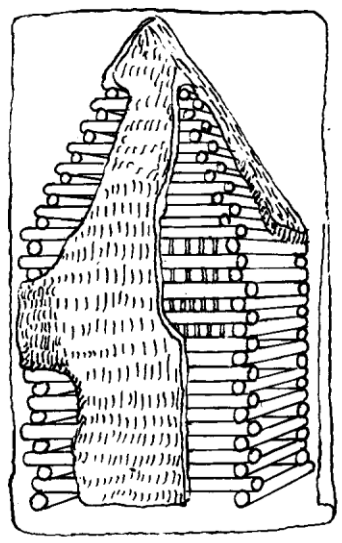
Осторожно обходит вопрос о форме О. Шуази, ограничившись графической иллюстрацией основного конструктивного узла всего сооружения – системы кладки стен и пирамидально-ступенчатого перекрытия (рис. 29, № 4). В наше время архитектор Л. Сумбадзе в предложенной им реконструкции колхидского жилища также отклоняется от башенной формы, допуская несоответствие с ясным текстом Витрувия (рис. 29, № 5). Предложенная авторами реконструкция, строго следуя определению Витрувия, изображает бревен-

Рис. 29. Реконструкции колхидской жилой башни, иллюстрирующие текст Витрувия:
1 — Чезаро Чезарини — 1541 г.; 2 — Перро, — 1664 г.; 3 — Марини — 1836 г.; 4 — Шуази — 1909 г.; 5 — Сумбадзе — 1960 г.; 6 — авторов

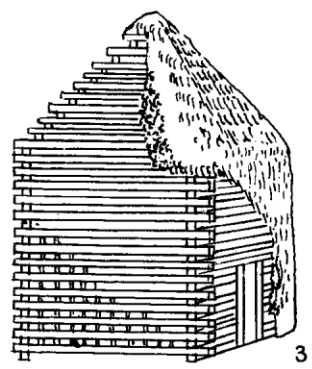
29. Reconstruction of the Colchis dwelling tower illustrating Vitruvius text
1 — by Cesaro Cesarini, 1541; 2 — by Perrot, 1664; 3 — by Mariny, 1836; 4 — by Choisi, 1909; 5 — by Sumbadze, 1960; 6 — by the authors

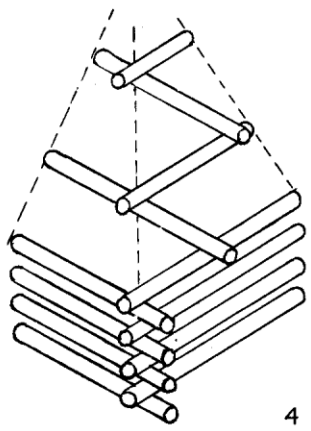
1

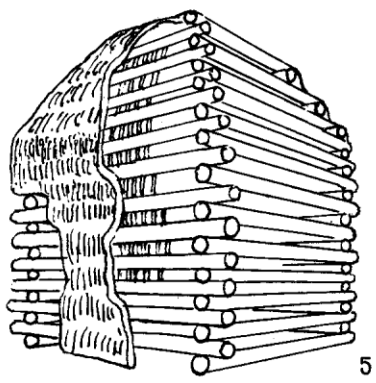
2

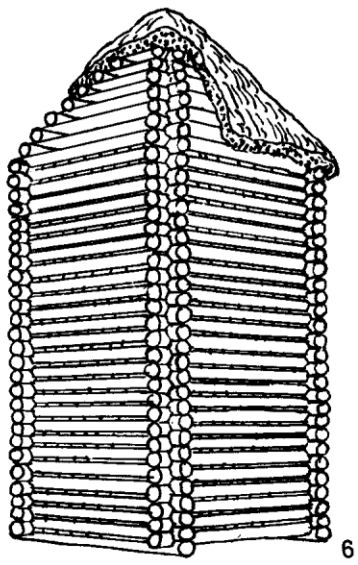
3

4

5

6

чатую жилую башню с пирамидально-ступенчатым перекрытием (рис. 29, № 6).

Несоответствие текста с изображением вызывалось, очевидно, тем обстоятельством, что башенная форма жилища ассоциировалась у большинства комментаторов с феодально-замковой или фортификационной башенной архитектурой, так как они не представляли себе массового башенного жилища. Отсюда возникает попытка вопреки тексту уложить башенную форму в схему одноэтажного дома. Возможно, что Чезаро Чезарини башенное жилище не казалось необычным, так как, судя по живописи Раннего Возрождения, эта форма жилища в данный период еще была широко распространена.

Включение Витрувием в свой труд об архитектуре именно колхидских жилых башен указывает на Колхиду как на один из значительных очагов массового укрепленного жилища на территории Закавказья. Возникновение башенных жилых домов в Колхиде относится к исторически значительно более раннему периоду. Витрувий описывает уже достаточно известный факт.

Античные источники связывают сведения о жилых башнях у грузинских племен с характерной для владельцев башен враждебностью и дают характеристику общественному устройству, соответствующему родоплеменным отношениям.

Важно отметить, что античные авторы Аполлон Родосский, Страбон, Г. Плиний Секунд, Арриан, Павсаний, Тираний Руфин, Стефан Византийский описывают мирную, цветущую Иберию (Картли) и Колхиду с прекрасными городами, общественными зданиями, крепостями, дорогами, мостами, культовыми и фортификационными сооружениями, возведенными по всем правилам зодческого искусства, параллельно с вызывающими у них недоумение чуждыми грубыми нравами, обычаями и укрепленными башенными ансамблями, стоившимися воинственными племенами, жившими на территории той же Грузии [205].

Эта неравномерность развития отдельных областей внутри страны характерна для Грузии на протяжении всей ее истории. Она будет существовать до начала XX в. и прекратится только в связи с коренными социальными преобразованиями, вызванными Великой Октябрьской революцией.

Обилие сведений о башенном жилище на территории Закавказья, в частности, Грузии, у древних авторов и почти полное отсутствие их в последующие исторические периоды отражает общий процесс постепенного исчезновения жилища этого типа и сохранения этих реликтовых форм только в отдельных отрогах Большого Кавказа.

Заселение высокогорных районов Кавказа относится к III тыс. до н.э. Сваны живут на южных склонах западной части большого Кавказского хребта уже свыше 3000 лет. Из всех грузинских племен они первые перешли к оседлому существованию [206]. Освоение высокогорных районов Северного Кавказа относится к тому же периоду [207]. Укрепленные поселения на Южном Кавказе и в Дагестане появляются в эпоху ранней бронзы. Оборонные требования выходят на первый план. Превалируют мелкие родовые селения ячеистой ступенчатой структуры, размещаемые в труднодоступных местах. Дома глухие безоконные. Аналогичные решения применялись в районе Большого Кавказа еще в XIX в. [208, 209].

На карте Евразии и частично Африки, составленной по древним и современным источникам, показаны места распространения укрепленного жилища. Сопостав-

этаже в центрах трех стен устроено по одной бойнице с машикулей на кронштейнах. В четвертой стене имеется лоджия, которая в случае опасности надежно прикрывается шиферным щитом (рис. 31, № 7–9).

Боевые башни были составной частью жилых комплексов и селений Горной Грузии (рис. 110). Они принадлежали отдельным семьям, селению, группе селений или району. Сторожевые башни занимали ключевые позиции и ставились у входа в ущелье, на перевалах, около населенных мест. Дозорные и сигнальные башни обеспечивали информацию в виде звуковой связи (голос, труба, колокол) и визуальную, где к световым сигналам (костер, дым, факел) присоединялась хорошо разработанная кодовая система.

Придомовые или, как их называют, родовые башни служили главным образом, для укрытия кровников и, само собой разумеется, содействовали усилению защиты всей семьи и селения в целом, если в этом возникала необходимость.

Обмер двух башен, сванской и хевсурской (рис. 32, № 1–14), иллюстрирует наиболее распространенные формы башенных сооружений Горной Грузии. Башня из Хевсуретии, в отличие от сванской, имеет наклон стен внутрь, сильно суживающий башню кверху. Коронки этих башен тоже отличаются друг от друга: сванская башня имеет сплошной свес арочных бойниц – машикуль, идущий по всему периметру стен, хевсурская – по одной бойнице с машикулей на кронштейне с каждой стороны. Кровля в сванской башне на два ската, в хевсурской – ступенчато-пирамидальной формы.

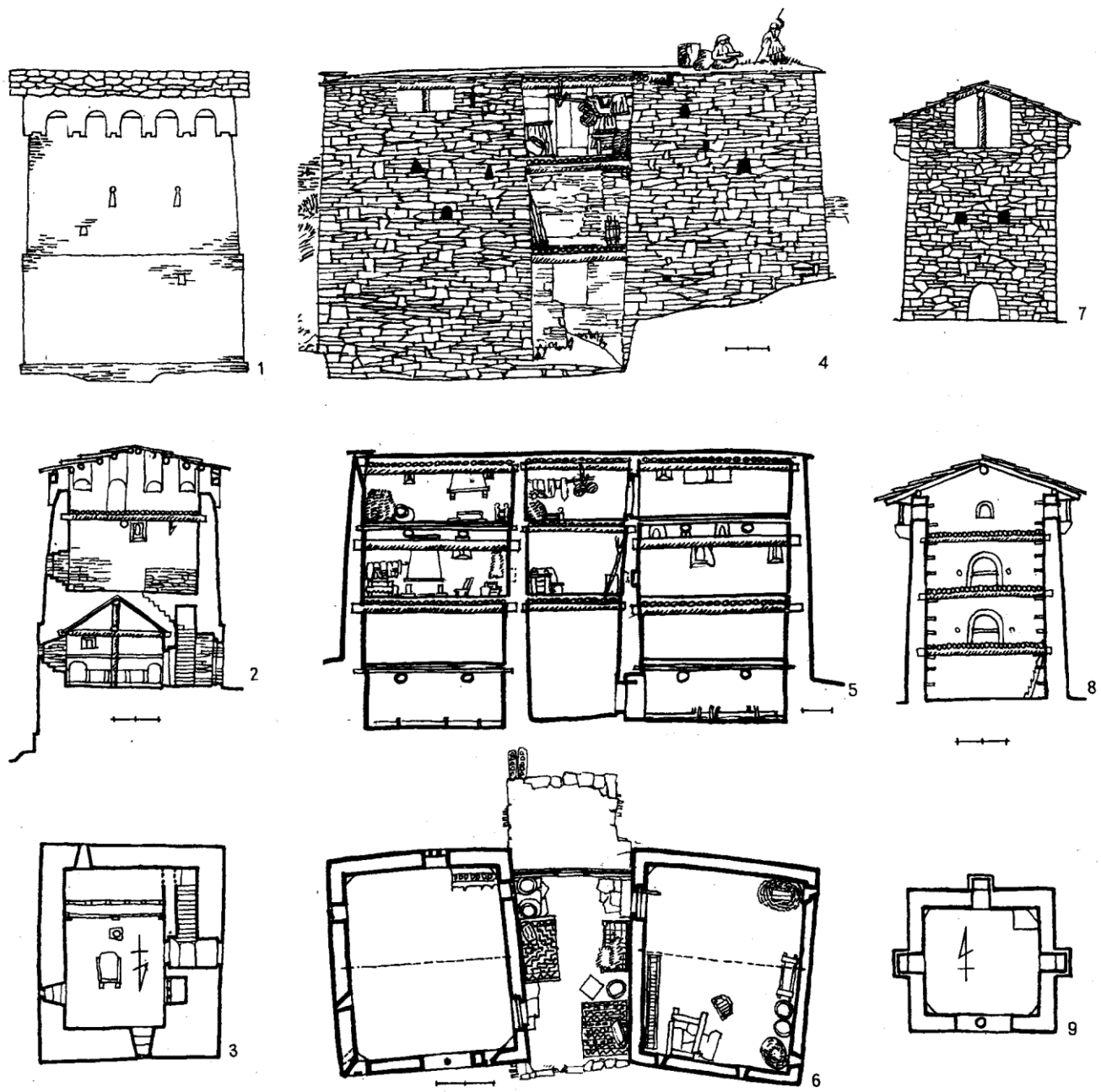
Сванская башня из д. Лахири Мулахского общества (рис. 32, № 1–7) хорошо сохранилась, мало подверглась перестройкам, по пропорциям ее можно отнести к одной из лучших башен в деревне: она имеет высоту 22,5 м, у основания сторона квадрата равна 6 м. Легкий энтазис начинается примерно с одной трети высоты башни. В башне четыре этажа, пятый – оборонительный. Первый этаж начинается на уровне 6 м от земли. Пространство между землей и первым этажом представляет собой монолит. Венчающая башню коронка имеет по четыре бойницы с арочными машикулями, что придает всей композиции законченный архитектурный облик.

Башня из д. Ахиели в Хевсуретии (рис. 32, № 8–14) стоит на скальном грунте, в основании имеет 4,9х4,9 м. Благодаря пирамидальной форме помещения пяти этажей башни постепенно уменьшаются снизу вверх. Вход в башню находится на высоте 4,2 м от земли. В первый этаж башни, лишенный каких бы то ни было проемов, можно попасть только через лаз в полу второго этажа. Высота наружной двери в башню 1,2 м. Доступ в башню легко прекращается втаскиванием бревна на второй этаж.

Все пять этажей башни, кроме первого, имеют бойницы. В пятом, оборонном, этаже четыре окна-бойницы, по одному на каждой стороне, снабжены каменными выносными машикулями на кронштейнах. Венчающий этаж перекрыт ступенчато-пирамидальной сводчатой крышей. Место перехода стены башни в крышу обозначено выступом карниза. Стройный силуэт башни завершает скалу, где из всего разрушенного жи-

Рис. 31. Дома-крепости Горной Грузии;
1-3 — дом-крепость в Сванетии: фасад, разрез, план; 4-6 — дом-крепость пилонного типа в Хевсуретии: фасад, разрез план; 7-9 — дом-крепость в Тушетии: фасад, разрез, план

31. Houses-fortresses of Georgia.
1-3 — A house-fortress in Svanetia: elevation, section, plan; 4-6 — A house-fortress of pylon type in Hevsuretia: elevation, section, plan; 7-9 — A house-fortress in Tushetia: elevation. section, plan

1
2
3
4
5
6
7
8
9

лого комплекса сохранилась только боевая башня.

Обследование в натуре более 100 селений Горной Грузии показывает, что в основном эти деревни состоят из мачубов, домов-крепостей зального типа и боевых башен. Из различного сочетания этих элементов складывается застройка и силуэт всех башенных селений.

Выбор места отвечал требованиям самозащиты и рационального использования окружающих природных условий. Преобладало расселение отдельными группами (обществами, например, в Сванетии) по тупиковым ущельям с труднодоступными подходами. Важную роль при выборе места играла возможность доставки основного строительного материала - камня.

Недостаток удобных земель вынуждал использовать как для земледелия, так и для размещения селений горные склоны, что способствовало выработке многообразных приемов террасирования. Отсутствие ровных площадок приводило к приспособлению плоских крыш (там, где климатические условия позволяли их возводить) под хозяйственные нужды. Селения старались ориентировать на юг, что легко было осуществить в условиях Горной Грузии, занимающей южные склоны Кавказского хребта.

Переходя к конкретному анализу структур исследованных авторами пяти башенных селений Горной Грузии, следует заметить, что планировка и застройка этих деревень и отдельных жилых комплексов не есть нечто застывшее, дошедшее до нас в полной неприкосновенности. Наоборот, можно с уверенностью утверждать, что малейшие изменения в социальной структуре, экономическом и культурном уровне с большей или меньшей отчетливостью отражались в планировочных решениях районов в целом, отдельных селений и в композиции укрепленных жилых домов.

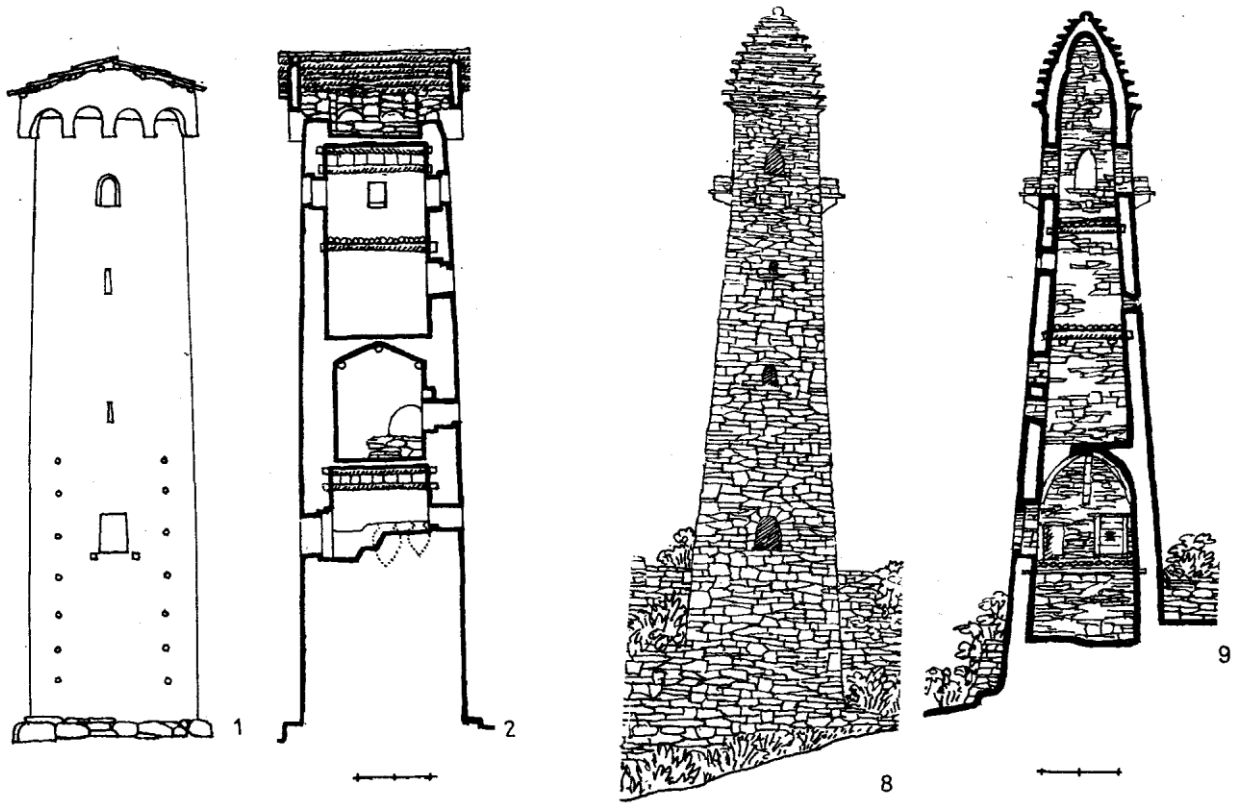
Характер планировки селений Сванетии отличается от других районов Большого Кавказа. Селения сохраняют равнинные планировочные принципы организации отдельных комплексов в условиях горного пейзажа. Застройка с применением подпорных стенок, искусственных террас, мощных субструкций корректирует природный рельеф, изменяя его характер и подчиняя замыслам строителей. Силуэты большей части сванских селений как бы противопоставляют себя окружающему ландшафту, эффектно выделяясь на фоне окружающих гор.

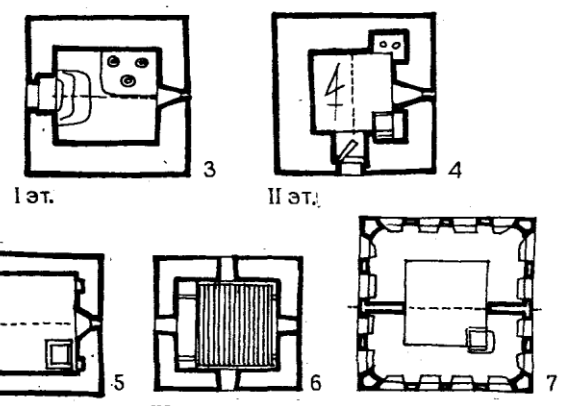
Традиция равнинного принципа организации селений могла сохраниться у сванов от тех времен, когда они занимали долинные районы, откуда их постепенно выстеснили в горы, начиная с 1 тыс. до н.э.

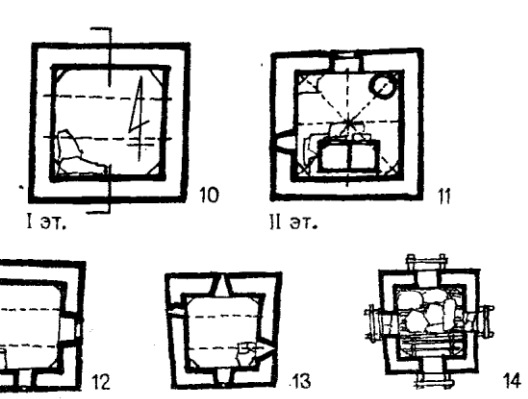
Обмеры, проведенные авторами для максимально полного выявления композиционной структуры и планировочных решений ансамблей селений, были освобождены от явно поздних наслоений (пристроек и надстроек). Кроме того, в общие обмеры были включены все полуразрушенные башенные комплексы, зафиксированные в фотографиях до их разрушения (рис. 107-109, 112).

Рис. 32. Башни Горной Грузии.
Сванская башня со сплошным свесом машикуль и двускатной кровлей: 1 — фасад; 2 — разрез; 3-6 — планы 1-4-го этажей; 7 — план коронки башни.
Хевсурская башня с машикулями и пирамидально-ступенчатой кровлей: 8 — фасад; 9 — разрез; 10-13 — планы 1-4-го этажей; 14 — план коронки башни

32. Towers of Georgia.
Svansk tower with a continuous overhang mashikul and gable roof: 1 — Elevation; 2 — Section; 3-6 — Plans of the 1-4 floors; 7 — Tower crown plan.
Hevsuretian tower with mashikuls and pyramidal-stepped roof: 8 — Elevation; 9 — Section; 10-13 — Plans of the 1-4 floors; 14 — Tower crown plan

1
2
8
9

I эт.
II эт.
III эт.
IV эт.

I эт.
II эт.
III эт.
IV эт.
IV эт.

Деревня Ланчвали расположена на южном склоне спуска к речке Местиис-Чала,и, благодаря довольно сильному рельефу, делится на Нижний и Верхний Ланчвали (рис. 33, № 1-3). Деревню окружают родники, один из них находится в центре застройки, плотность которой достигает в отдельных комплексах 50%

Внутренняя планировка селения состоит из пяти участков. В каждый из них входило несколько жилых комплексов, объединявшихся в братство "самхуб", которое, в свою очередь, состояло из 2-4 больших семей, насчитывавших еще в XIX в. до 40-60 человек. Внутри селения сеть улочек складывается в полной зависимости от "разумно обоснованного беспорядка" (по определению О.Шуази, примененному им к раннефранцузским городам). Система точечной свободной расстановки башенных ансамблей подчинялась требованиям обеспечения личной безопасности

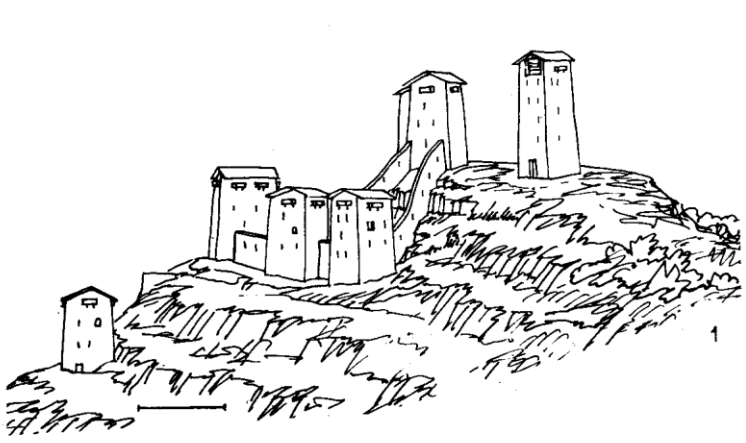
При сегментации отделявшаяся от большой семьи пара селилась рядом, повторяя точно, без изменения, типовую жилую ячейку - мачуб с башней или зальный дом-крепость. Расстановка башен и домов-крепостей отражает прежде всего требования, предъявляемые к индивидуальной обороне отдельных членов семьи, не затрагивающие интересов ближайших соседей. Эти соображения не снимают, но отодвигают на второй план вопросы общей безопасности и возможность организации коллективного отпора общему врагу.

Деревня Лахири, так же как и деревня Ланчвали, расположена на территории, защищенной естественными барьерами. Она занимает почти горизонтальную площадку пологого южного склона,с преобладающим размером в широтном направлении (рис. 34, № 1-6). Точечное свободное размещение башен указывает на обособленную систему отдельных комплексов (рис. 113). Обе деревни могут служить образцом умелого применения типовой ячейки (мачуб-башня), в результате которого были созданы ансамбли, где подчеркнутое подпорными стенками горизонтальное членение террасами контрастно сочетается с вертикальными силуэтами башен на фоне многопланового горного ландшафта. Связь с окружающим пейзажем, художественная выразительность позволяет отнести ансамбли этих деревень к выдающимся памятникам народной архитектуры.

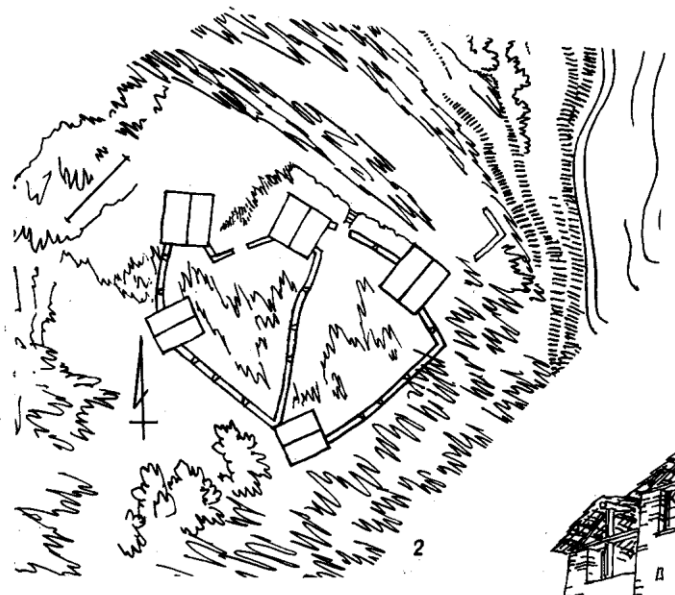
Общество Ушгул состоит из четырех деревень, расположенных вдоль истоков р. Ингури, в северо-восточной части Сванетии, в зоне альпийских лугов, на высоте 2100 м над уровнем моря. Ушгульское общество входит как одно из звеньев, в систему общей обороны Верхней Сванетии, защищая подступы к ней с востока (рис.44).

Для обмера была выбрана д. Чажаши, расположенная на мысу при впадении речки Хераши в р. Ингури. Территория деревни имеет форму треугольника, вершина которого упирается в излучину, северо-западная и южная стороны окружены речками. С третьей стороны треугольника на небольшом холме стоит крепость с четырьмя башнями, отлично защищавшими деревню с северо-востока (рис. 114-116).

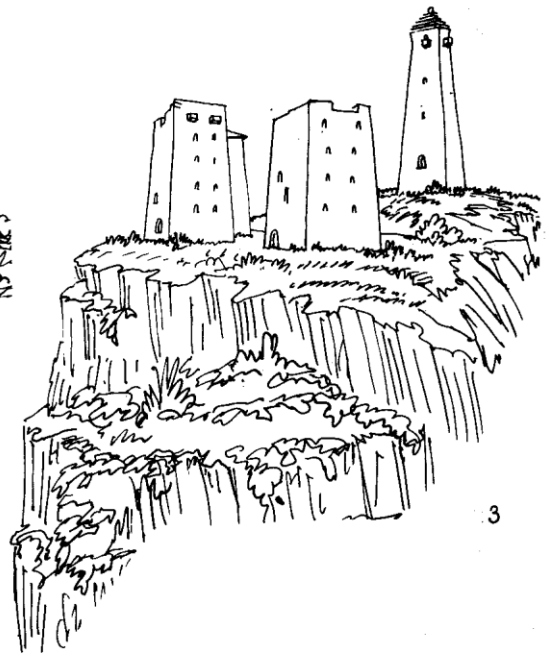
Местоположение д. Чажаши (рис. 35, № 1-3) может служить примером максимального использования благоприятных естественных условий для усиления обороноспособности и обеспечения безопасности. Она размещается на относительно ровном участке. В деревне, несмотря на плотную застройку и большую насыщенность многоэтажными жилищами, четко прослеживается общая тенденция к изоли-

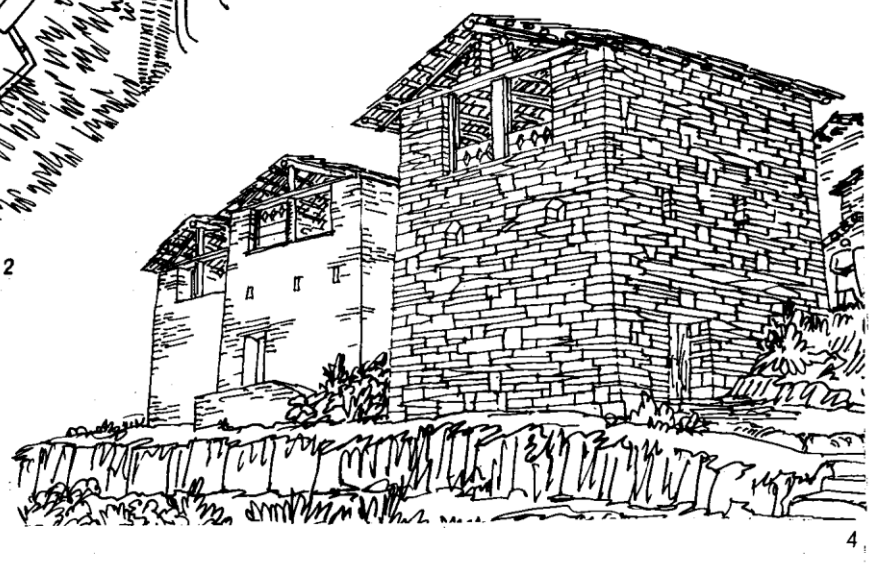
1

2

3

4

10–15 см, и по существу это перекрытие является одной из разновидностей ложного свода. Эту систему перекрытия можно встретить и в Уплисцихе (рис. 38, № 8). Ее приводит О. Шуази [219], Перро и Шипье [220].

Завершающим элементом башни была коронка. Лучшие решения сочетали функциональную необходимость, конструктивную целесообразность с художественной выразительностью и законченностью композиции. Из пяти типов коронок башен, получивших распространение на территории Горной Грузии (рис. 38, № 2,3,10–24), наиболее эффективным и универсальным для целей обороны является первый тип, применявшийся главным образом в Сванетии. Сплошной свес выносных машикуль по всему периметру стен позволял обороняющимся вести с одинаковым успехом как дальний, так и ближний бой в условиях относительной безопасности.

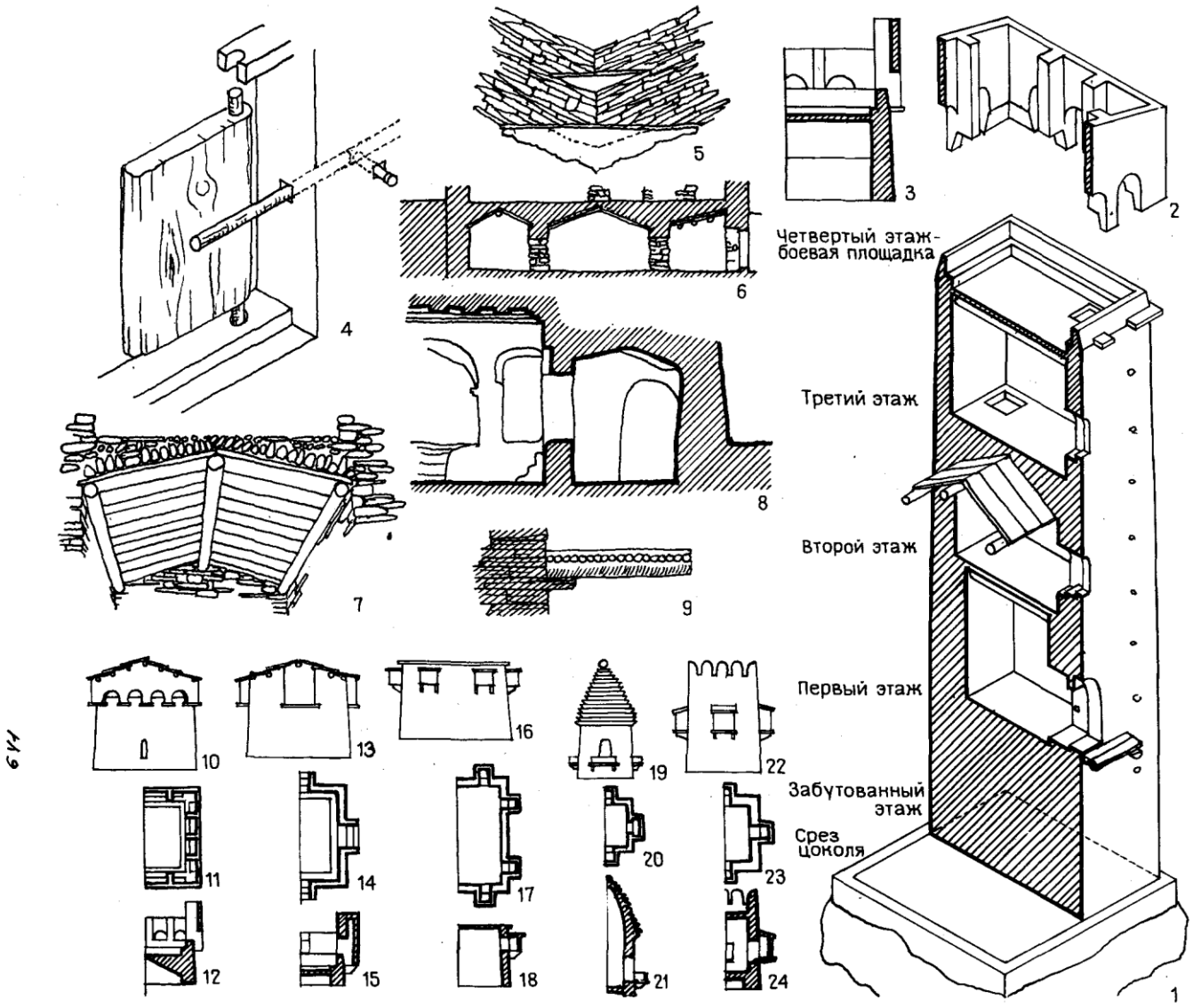
Высокую оценку непрерывной линии свеса выносных машикуль вдоль всех стен по сравнению с отдельно размещенными машикулями и зубцами, расположенными в плоскости стен (рис. 38, № 21–24), не защищавших осажденных от штурма у подножия стен, дает О. Шуази [221]. В древних "нурагах" Сардинии (датируемых П–1 тыс. до н. э.) Лиллиу обнаружил выносные машикули, происхождение которых он связывает с башенным жилищем и относит их хронологически к самым ранним фортификационным элементам в Средиземноморском бассейне [222].

Перекрытие над оборонительным этажом в пирамидально-ступенчатой коронке башни (рис. 32, № 8,9,14) выполняется в едином материале со стенами и представляет собой ложный вспарушенный свод. Кровля из шиферных плиток внешне ступенчато повторяет внутреннюю кривую свода. Каждая ступень свода покрывается тонкой шиферной плиткой, имеющей легкий наклон наружу; этот прием обеспечивает сток воды с плитки на плитку без затека на швы кладки (рис. 38, № 19–21). Завершает последнюю ступень пирамидально-ступенчатой кровли специальный камень. Конструкция кровли этого типа требует мало материала и обладает большой прочностью. Она применялась в Хевсуретии, Хеви, Тушетии, а также в некоторых районах Северного Кавказа, но наиболее совершенное развитие кровля этого типа получила в Чечено-Ингушетии [223, 224, 225].

Композиционным центром укрепленного жилища, его ядром, было помещение, пред-

Рис. 38. Горная Грузия. Конструктивные детали башен:
1 — аксонометрический разрез башни. Сванетия; 2 — аксонометрический разрез коронки башни; 3 — разрез коронки башни; 4 — детали конструкции двери; 5 — угловые шиферные крепления; 6 — перекрытие помещения двускатными ложными сводами; 7 — двускатное междуэтажное перекрытие; 8 — двускатное перекрытие, высеченное в пещерном г. Уплисцихе; 9 — опирание балки на шиферную консоль; 10-12 — коронка башни со сплошным свесом машикуль и двускатной кровлей — фасад, план, разрез; 13-15 — коронка башни с четырьмя машикулями и двускатной кровлей — фасад, план, разрез; 16-18 — коронка башни с 8-ю машикулями и плоской кровлей — фасад, план, разрез; 19-21 — коронка башни с пирамидальной ступенчатой кровлей и четырьмя машикулями — фасад, план, разрез; 22-24 — коронка башни с зубчатым парапетом, плоской кровлей и четырьмя машикулями — фасад, план, разрез

38. Georgia. Structural details of towers
1 — Axonometrical section of the tower. Svanetia; 2 — Axonometrical section of the tower crown; 3 — Section of the tower crown; 4 — Detail of the door structure; 5 — Angle slate fixing; 6 — Spanning of space by gable false vaults; 7 — Gable intermediate floor; 8 — Gable floor carved in the cave-town Uplikhszih; 9 — A beam resting on a slate cantilever; 10—12 Tower crown with a continuous overhang mashikul and gable roof-elevation, plan, section; 13—15 Tower crown with four mashikuls and gable roof-elevation, plan, section; 16—18 Tower crown with eight mashikuls and flat roof-elevation, plan, section. 19—21 Tower crown with pyramidal stepped roof and four mashikuls-elevation, plan, section. 22—24 Tower crown with castellated parapet, flat roof and four mashikuls-elevation, plan, section

Четвертый этаж-
боевая площадка
Третий этаж
Второй этаж
Первый этаж
Забутованный
этаж
Срез
цоколя
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24

назначенное для семьи, состоящей из 30–50 человек. Помещение, где все члены семьи, открытый очаг и домашние животные находились вместе, достигавшее 80–120 м^2, следует отнести к одному из древнейших приемов организации жилища [226, 227, 228]. Требования безопасности диктовали сооружение глухого объема, лишенного окон. В настоящее время интерьер этого типа сохранился (необитаемый) только в Сванетии. В сирийских укрепленных ансамблях, датируемых II в. до н.э.–IУ в. н.э., аналогичные планировочные решения дошли до нас в руинах [229, 230]. В сванских интерьерах загородки с проемами для голов скота выполнялись из дерева и покрывались резьбой, в Сирии же, бедной лесом, но имеющей в изобилии камень, легко поддающийся обработке, их выполняли из камня.

Внутреннее пространство сванского мачуба делится на жилое и для домашних животных, которых размещают вдоль одной-трех стен и отделяют от основного объема деревянной перегородкой с аркатурными прорезями для голов скота (рис. 40, № 1). Посредине жилой части мачуба расположен очаг [231], имеющий форму прямоугольника и несколько заглубленный (3–5 см) по отношению к уровню пола. На специальных балках над очагом под потолком укрепляется шиферная плита, предназначенная для защиты перекрытия от огня, и висит прикрепленная к балкам железная цепь с крюком (рис. 40, № 2,3,6,7).

Все деревянные элементы надочажного устройства обычно покрываются резьбой. Многочисленные железные поковки, связанные с очагом (приспособления для дров, подставки, очажная цепь, лучинники, таган-[illegible], светильники и др.), с анималистической [illegible]кой (рис. 40, № 4–12), произво-[illegible] законченное художественное впечатле-

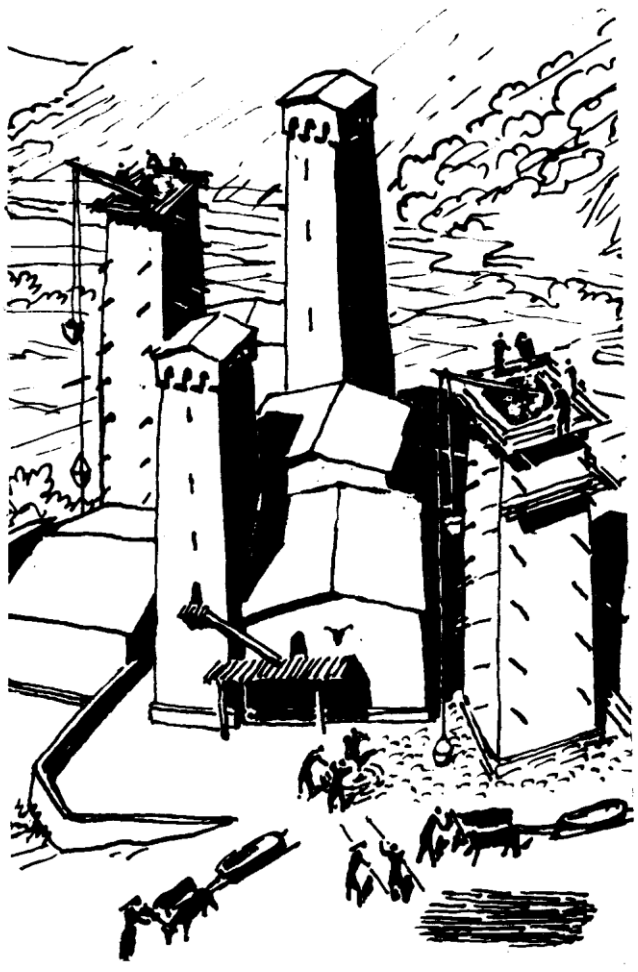

Рис. 39. Сооружение сванской башни. Рисунок Г. Лежава

Рис. 40. Горная Грузия. Интерьер мачуба
1 — общий вид интерьера сванского мачуба; 2 — деталь очага; 3 — очаг; 4 — родовое кресло; 5 — вешалка; 6 — очажная цепь; 7 — надочажное устройство; 8 — лучинник; 9-11 — различные поковки (кованое железо); 12 — резьба по дереву

39. Construction of a Svansk tower. Drawing by G. Lezhava

40. Georgia. Matchub interior
1 — General view of the Svansk matchub interior; 2 — Detail of a hearth; 3 — A hearth; 4 — A family armchair; 5 — A rack; 6 — Hearth chain; 7 — Equipement over the hearth; 8 — Splinter holder; 9, 10, 11 — Different forged pieces (forged iron); 12 — Wood carving

строительные навыки и достаточно высокий уровень техники, использование местных материалов подготовили реальную почву для создания сложных планировочных систем крепостных поселений. В Южном Туркменистане были раскопаны древние селища. Предполагается, что роль оборонных стен в них выполняло кольцо окраинных жилых домов. Г.А. Пугаченкова сравнивает их с существующими поселениями в глухих районах Афганистана, где дома с

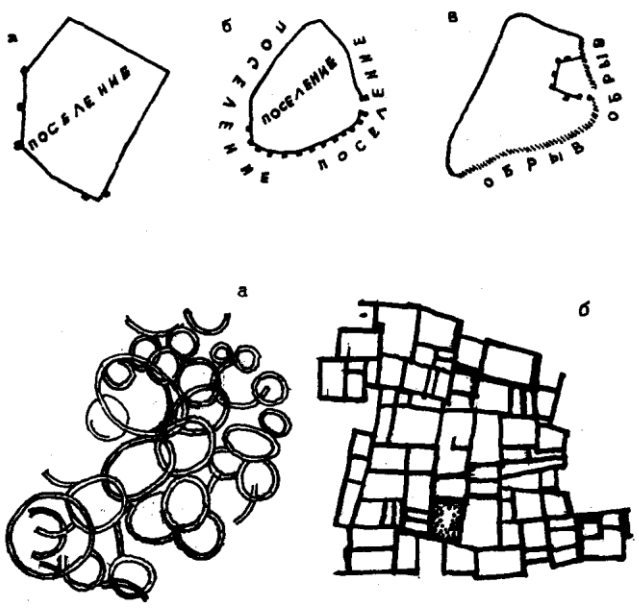

Рис. 41. Циклопические крепости (по материалам И. И. Мещанинова)

Рис. 42. Селища сотообразной структуры: а — из овальных в плане жилищ — Грузия. Шулаверис Гора (по А. И. Джавахишвили); б — из прямоугольных в плане жилищ — Турция. Чатал-уюк (по Д. Меллаарту)

41. Cyclopean fortresses: a, b, c (to the material of I.I. Mestchaninov)

42. Village of a honeycomb structure: a-of dwellings oval in plan—Georgia Shalaveris Gora (to A.J. Djavahishvily); b-of dwellings rectangular in plan—Turkey, Chatal Ujuck (to Mellaart)

бойницами, расположенные сплошной лентой по внешнему контуру застройки селения, образуют надежную защиту [241].

В городище Элькен-Тепе в Южном Туркменистане (рис. 19а), сооруженном в начале 1 тыс. до н.э., жилые массивы выполняли роль оборонительных стен. Дом вождя занимает в нем центральное обособленное положение, он расположен на возвышенности, которую окаймляет единственная дорога, проходящая через все селение и делящая жилую застройку на две части [134]. Ксенофонт в "Анабасисе" описал три типа поселений на территории Закавказья: поселения без оборонительных элементов, поселения пассивно-оборонительного характера и башенные селения, которые греки предпочитали обходить стороной. Одно из хорошо укрепленных поселений дрилов имеет планировочное сходство с городищем Элькен-Тепе. Башня вождя располагалась на возвышенном месте, к ней вела дорога, делившая селение на две части, так же как в Элькен-Тепе [184]. На основании подробного сообщения Ксенофонта о всех перипетиях сражения за укрепленное селение дрилов, в котором он сам участвовал, авторами сделана попытка графического изображения схемы генерального плана этого селения (рис. 19, б).

Структура городища Элькен-Тепе и поселения дрилов (рис. 19 а, б) указывает на сохранение оборонных функций в руках всего населения, а привилегия вождя выражается пока только в предоставлении ему места, возвышающегося над окружающей территорией.

Принципиально иная система поселений развивается в дальнейшем. Массовое жилище лишается равноправных защитных элементов. Появляются акрополи, крепости, донжоны внутри городских крепостных оград и вне их. Примером решения

поселений, относящихся уже к классовым формациям, являются жилища, лишенные оборонительных функций: группирующиеся вокруг крепости-замка (рис. 43а): размещенные между оборонительными стенами и крепостью-замком (рис. 43б); расположенные вокруг крепостного комплекса, состоящего из замка и крепостных стен (рис. 43в); сосредоточенные в пределах оборонительных стен в непосредственной близости от крепости и замка (рис. 43г).

Анализ наиболее распространенных композиционных приемов планировочных решений укрепленных селений, реликтово сохранившихся в ряде стран, показывает, что несмотря на различие уровней социального развития племенных групп и на разнообразие окружающих их природных условий можно выделить несколько наиболее характерных решений. Повсеместное распространение получило развитие укрепленных жилищ по вертикали в сочетании с горизонтальным террасированием окружающих полей и монолитно-гнездовая застройка [242]. Селения сооружались на плато (рис.90) под одной крышей или ступенчато по склонам гор, (рис. 117) с компактным размещением жилых домов, без приусадебных участков (рис. 44 а, б). Дома в этих случаях близко примыкают друг к другу, часто организуя между отдельными группами домов фаланстерную связь, как это имело место в Дагестане [243]. При ступенчатой планировке плоские кровли использовались под хозяйственные площадки для домов, расположенных над ними. Внутренняя планировочная сетка улиц-троп не нарушает общего замкнутого характера селений. К типу поселений, где расстановка башенных домов подчинена прежде всего интересам общей обороны, относится деревня Шатили (рис. 36). Сочетание коллективной и индивидуальной обороны осущест-

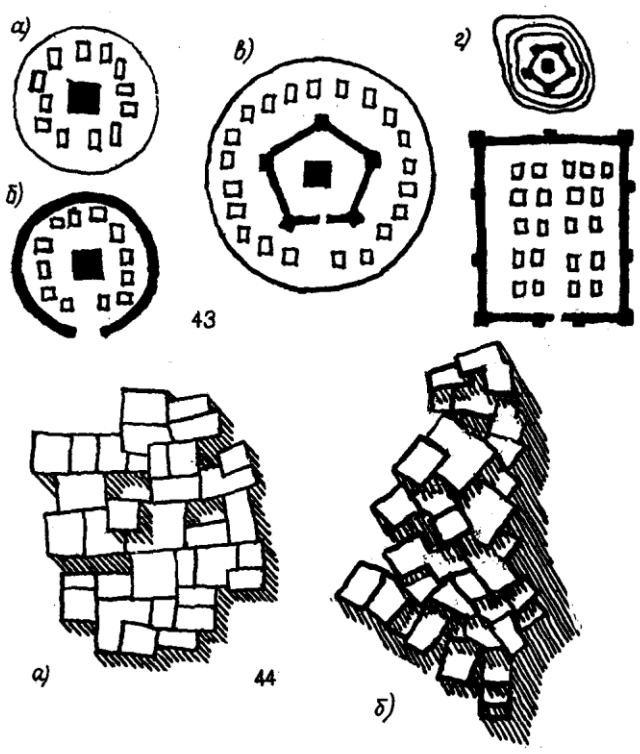

Рис. 43. Жилища, лишенные оборонительных функций: а — группирующиеся вокруг крепости-замка; б — размещенные между оборонительными стенами и крепостью-замком; в — расположенные вне крепостного комплекса; г — сосредоточенные в пределах городских оборонительных стен, с крепостью-замком, находящейся в непосредственной близости к поселению

Рис. 44. Монолитная структура укрепленного селения, расположенного: а — на плато; б — по уклону

Рис. 45. Генеральный план общества Ушгул

Рис. 46. Плотная сотообразная структура селения пассивно-оборонительного характера, состоящая из однозальных ячеек. План, разрез

43. Dwellings devoid of defence functions: a-grouped around a fortress-castle; b-located between defence walls and a fortress-castle; c-placed outside the fortress complex; d-concentrated within the town defence walls with a fortress-castle in direct proximity to the settlement

44. Monolithic structure of a fortified settlement situated; a-on a plateau; b-on a slope

45. Master plan of Ushgul community consisting of four fortified settlements

46. Dense honeycomb structure of a settlement of a passively-defence nature consisting of one-room cells; plan, section along the slope of the relief

В однозальной безоконной ячейке с тенденцией к максимальной изоляции от внешней среды наземное жилище мало чем отличалось от подземного. Имеющийся обширный материал по крестьянскому однозальному жилищу многих стран показывает, что дифференциация помещения и раскрытие в природу происходит очень медленно. Бревенчатая безоконная клеть и глухой каменный объем однозального жилища обнаруживаются до настоящего времени в Евразии, Африке и Америке [122, 250, 251, 252, 253].

Переход от жилища, состоящего из одного неделимого помещения (независимо от его очертания в плане), наделенного пассивно-оборонительными функциями, к более сложной башенной форме жилища, требовало уже определенных строительных навыков и достаточно высокого уровня строительной техники.

Найденная форма вертикального жилища использовалась для активной защиты. Мегалитические башни Сардинии – "нураги", круглые в плане, выложенные из каменных блоков, относятся к концу П тыс. до н.э., к эпохе, когда на острове длительное время существовали межплеменные, внутриплеменные и внутриродовые конфликты. В этих условиях появление башенного оборонного жилища было исторической закономерностью.

Лиллиу относит простые отдельно стоящие "нураги" к наиболее древнему типу. Они первоначально принадлежали общинникам, а затем по мере дальнейшего развития общественных отношений, разрастаясь и композиционно усложняясь, становились собственностью привилегированных слоев населения. Подробно разбирая ранние "нураги" – массовое крестьянское жилище, – Лиллиу приходит к выводу, что они предназначены для ближнего боя. Наклон наружных стен внутрь в сочетании с выносными машикулями позволял эффективно защищать подножие башни, сбрасывая на штурмующих камни и осыпая их стрелами [254].

"Нураги" Сардинии, сконцентрированные в одном месте, позволяют проследить основные этапы возникновения башенных форм жилища, характерные и для других районов. В Сардинии, помимо "нураг" круглой формы, сооружались также нураги прямоугольного очертания (рис. 23, а, б). Первоначально формируется зальный башенный объем, где независимо от количества этажей, на каждом находится одно неделимое помещение. Башня как бы состоит из наложенных друг на друга однозальных замкнутых ячеек, соединенных между собой легко убирающимися лестницами-бревнами через лазы в перекрытиях. Ячеистая структура еще сохраняется, только получает развитие не по горизонтали, а по вертикали.

Развитие жилища по вертикали расширило и обогатило возможности объемно-пространственных композиционных решений, а универсальность этой формы позволила применять ее для самых разнообразных целей. Использование верхнего, венчающего башни этажа для оборонительных мероприятий начинается, очевидно, почти одновременно с расположением помещений по вертикали. Модели абидосской башни и башен, изображенных на протоэламской печати, говорят о том, что в Ш тыс. до н.э. в Египте и Двуречье уже существовали специальные защитные приспособления, превращающие верхний этаж башни в боевую коронку.

Из всех видов укрепленного жилища наибольшее распространение получила форма зальных домов-крепостей. К зальному типу домов-крепостей следует отнести ранние нураги Сардинии. Шухардт связывает проис-

хождение "нураг" с абидосскими круглыми башнями [255]. Многочисленные дома-крепости Кавказа, площадь которых достигает поэтажно 70–120 м^2 и средняя этажность колеблется в пределах 2–4-х этажей, принадлежали большим неразделенным семьям, состоявшим из 30–50 человек. В отдельных случаях дома-крепости достигают 11–12 этажей, как это имеет место в Хадрамауте.

Наибольшей градостроительной вариабельностью обладают зальные дома-крепости, где каждому этажу соответствует одно неделимое помещение. Зальный тип укрепленного жилища допускает свободную блокировку в разнообразных естественных условиях, позволяя осуществить как монолитную, так и точечную структуру селений.

Но во всех случаях, независимо от этажности и внутренней планировки, венчающий этаж дома-крепости предназначался для обороны. Наружные входы в дома-крепости всегда были затруднены. В стен. поэтажно устраивались узкие щели-бо.-ницы. Завершающая боевая коронка в сочетании с принятой формой кровли придавала укрепленному жилищу индивидуальные черты и общую композиционную законченность.

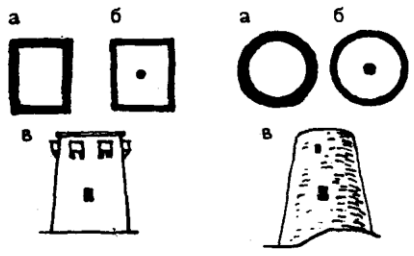

Рис. 53. Дома-крепости зального типа, прямоугольной и круглой конфигурации в плане, с расположением в каждом этаже по одному неделимому помещению:
а — с опиранием перекрытий на внешний периметр стен; б — с введением вертикальной опоры; в — фасады

53. Houses-fortresses of one-room type, rectangular and round in plan with one indivisible room on each floor:

a—floors rest upon the external walls perimeter; b—the addition of a vertical support; c—elevations

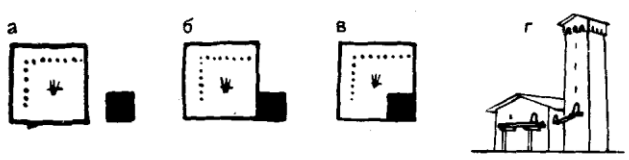
Зальные "нураги" и зальные дома-крепости первоначально решались без вертикальных опор, с опорой перекрытий на наружные стены. В дальнейшем, как в круглых, так и прямоугольных в плане домах-крепостях, появляются опоры, чаще всего одна в центре. Такой прием фиксируется в круглых башенных домах на Балеарских островах [256], его применяли в домах-крепостях на Северном Кавказе (в Чечено-Ингушетии, Дагестане), в Горной Грузии (в Мтиулети и Тушетии) [257], в Йемене, Хадрамауте и Марокко. Этот прием хотя и усложняет общее конструктивное решение, позволяет перекрывать большие пролеты маломерными элементами из дерева и камня. Принцип зальной поэтажной планировки обычно сохранялся и при вертикальных опорах (рис. 53. а–в).

Боевые башни ставили при жилых комплексах и для усиления общей обороноспособности селения, группы селений или района в целом. Более ранними по происхождению следует считать дома-крепости, где функции жилья, хранения имущества и обороны сосредоточены в одном объеме [258, 259]. Придомовая боевая башня частично обеспечивает защиту членов семьи (обычно взрослой мужской части), а при необходимости может временно служить убежищем для всей семьи. Отдельно же стоящие боевые башни или башни, входящие в систему общих оборонительных заслонов, жилищных функций не несут, в них заинтересован большой коллектив людей, они

являются общественной собственностью и появились значительно позже, когда на смену родовому и племенному сепаратизму приходят более крупные объединения.

В боевых башнях поэтажно зальный планировочный принцип сохраняется без отклонений повсеместно. В домах-крепостях и боевых башнях, расположенных на одной и той же территории, строительная техника и конструктивные элементы идентичны. Композиционную законченность домам-крепостям и боевым башням придает архитектурное решение оборонного этажа, составляющего одно целое с формой кровли. Например, устройство двускатных крыш на домах-крепостях и боевых башнях с применением арочного мотива в машикулях в Сванетии привело к созданию сванского стиля укрепленных селений. Боевые башни Ингушетии, завершающиеся крышами пирамидально-ступенчатой формы, силуэтно контрастируют с окружающей застройкой, придавая селениям своеобразный неповторимый характер.

Смешанный тип оборонного жилища состоит из сочетания объемов различной этажности и стоящей рядом боевой башни. Взаиморасположение одно-двухэтажных объемов с придомовыми боевыми башнями сводится к нескольким наиболее часто встречающимся сочетаниям (рис. 54 а-е). Отдельно стоящая боевая башня находится рядом с жилым блоком на расстоянии 2-4 м, и соединяется с ним перекидным съемным мостом на уровне 3-5 м от земли. Такое расположение башни позволяет после разборки моста полностью изолировать ее от жилого блока и обеспечить возможность обороны в ближнем бою всех четырех стен башни. Боевая башня непосредственно примыкает к одной из стен жилого блока или составляет с ним одно целое. В этом

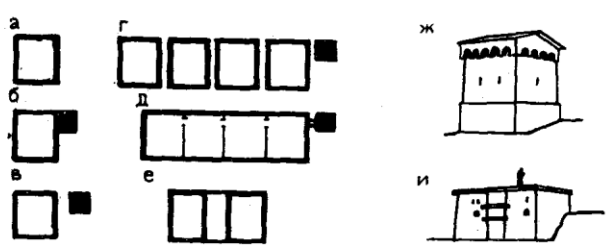

Рис. 54. Жилой дом:
а — с отдельно стоящей боевой башней; б — с непосредственно примыкающей боевой башней; в — с боевой башней в виде местного возвышения; г — общий вид

Рис. 55. Различные способы блокировки домов-крепостей:
а — дом-крепость; б — дом-крепость с примыкающей к нему боевой башней; в — дом-крепость со стоящей рядом с ним боевой башней; г — групповое размещение домов-крепостей; д — с фаланстерной связью; е — пилонный тип домов-крепостей; ж-и — общий вид

Рис. 56. Зальный дом-крепость: а — план, б — объем

Рис. 57. Дом-крепость в Марокко (по Враге):
а — план; б — разрез

Рис. 58. Дом-крепость с центральным двором:
а — план; б — объем

Рис. 59. Дом-крепость с центральным двором в Марокко. (по Враге):
а — план, б — разрез

54. A dwelling house: a—with a free standing war tower; b—with an abutting war tower; c—with a war tower in the form of the terrain rise; d—general view

55. Different ways of blocking houses-fortresses:
a—a house fortress; b—a house-fortress with an abutting war tower; c—a house-fortress with a war tower near-by: d—a group arrangement; e—of houses-fortresses with phalanstery links; f—houses-fortresses of pylon type; g—h—general view

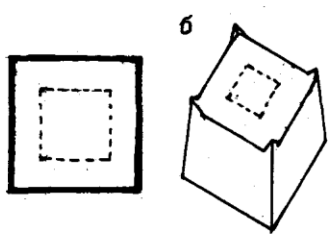
56. One-room house-fortress: a—plan; b—volume

57. A house-fortress in Morocco (after Vrage):—plan; b—section

58. A house-fortress with a central court: a—plan, b—volume

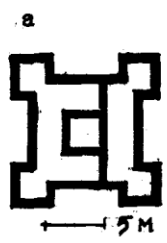
59. A house-fortress with a central court, Morocco (after Vrage): a—plan; b—section

56 а

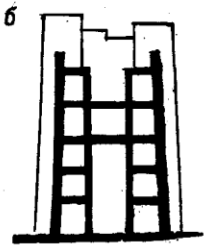

б

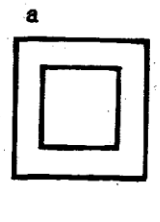
57 а

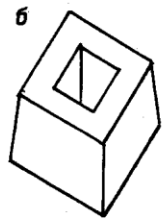
б

58 а

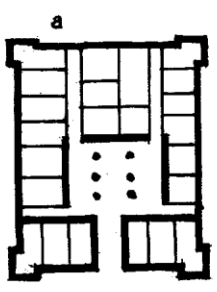

б

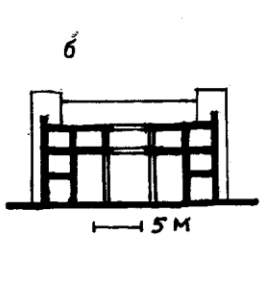

59

а

б

случае вертикальный объем башни превращается в местное повышение над одно-двухэтажным объемом жилого блока.

Глухие прямоугольные объемы домов-крепостей позволяют осуществлять разнообразные формы блокировок, зависящие от конкретных потребностей и окружающей обстановки (рис. 55 а-е). Пилонный тип домов-крепостей отражает один из способов сегментации семьи. Пилонная группировка "нураг" применялась на о-ве Сицилия. Блокировка домов-крепостей с боевыми башнями обеспечивает универсальную защиту всем членам семьи. В этих случаях боевые башни либо ставятся рядом, в непосредственной близости от домов-крепостей, либо примыкают к ним вплотную.

Развитие поэтажно многокомнатной композиции дома-крепости с залом или двором в центре генетически связано с зальным домом-крепостью. Зал являлся ядром, вокруг которого группировались дополнительные помещения. Дома-крепости с центральным открытым двором получили развитие главным образом в жарких районах таких стран, как Средняя и Передняя Азия, Китай, Марокко (260,261) и ряде других мест. В Марокко и Йемене существуют оба типа домов-крепостей с центральным залом (рис. 56, 57) и центральным двориком (рис. 56-59).

По внешнему виду домов-крепостей в Марокко нельзя определить, зальный ли это или открытый прием организации внутреннего пространства (рис. 98). Замкнутый объем сохраняется без изменения в том и другом случае и фасады трактуются как глухие стены. В районах с суровыми климатическими условиями доминирует зальный тип.

Комплексы, обнесенные высокой оборонительной стеной, внутри которой помимо дома-крепости и боевой башни стоят

также дома, лишенные оборонительных элементов относятся к более позднему периоду и отражают уже процесс дальнейшего имущественного и правового расслоения [262, 263].

Общность планировочных решений крепостных поселений и отдельных домов дополняется сходством во внутренней организации пространства, в оборонных мероприятиях, способах обработки и применения строительных материалов. Общие строительные приемы и конструктивные детали встречаются в широком географическом и хронологическом диапазоне почти у всех народов, ощущавших необходимость в укрепленном жилище.

Например, сооружая башню, независимо от того, стоит ли она отдельно или примыкает к дому, пол жилого этажа приподнимали над землей. Пространство между землей и уровнем пола первого этажа превращали в монолитный массив. Прием этот, придавая статичность самой башне, исключал возможность подкопа стены, угрожавшего обвалом башне. В большинстве сванских башен в Грузии первый этаж был забутован на высоту 3-4 м над землей [264, 265]. Аналогичный строительный прием применяли при сооружении башенных домов в Йемене и Хадрамауте [266].

В нижних этажах домов-крепостей и башен обычно. проемов не делали. Если на уровне земли имелось помещение, то оно изолировалось от верхних этажей и имело самостоятельный вход. Организации затрудненного входа в жилые помещения оборонных комплексов придавалось первостепенное значение. Всюду, где строили дома-крепости и боевые башни, жилые помещения и входы в них стремились приподнять над землей. Расстояние от земли до проема-входа колеблется в широких диапа-

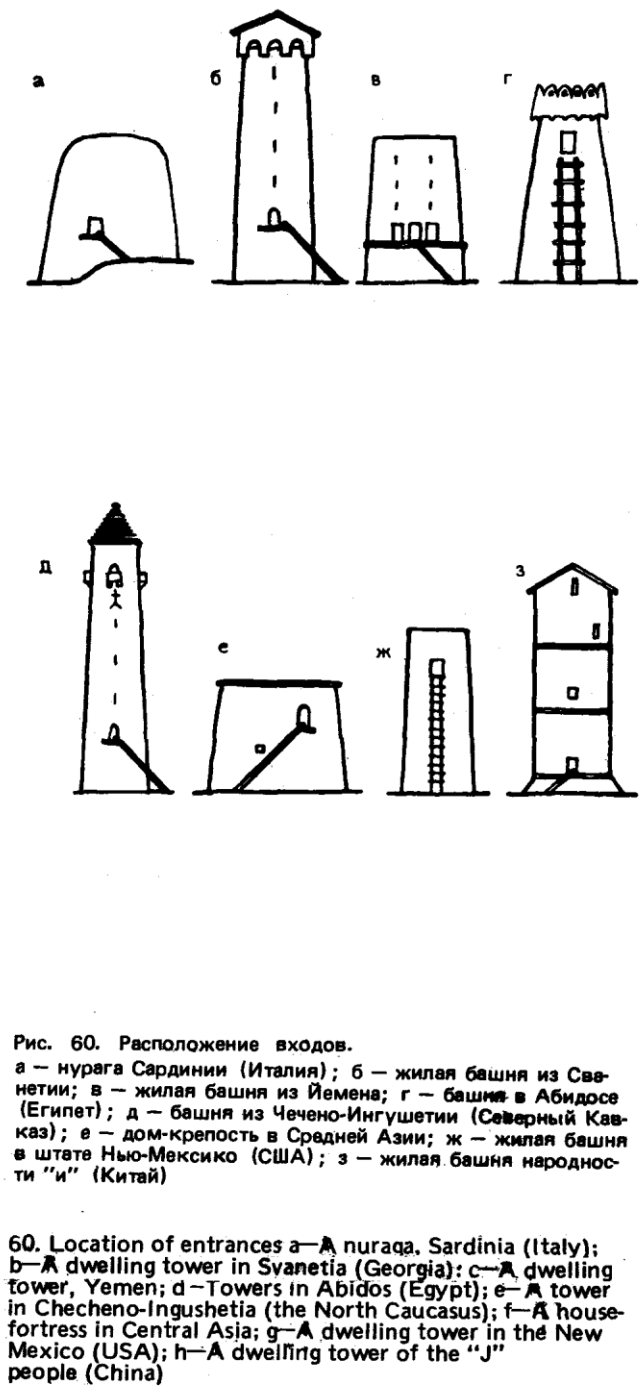

Рис. 60. Расположение входов.
а — нурага Сардинии (Италия); б — жилая башня из Сванетии; в — жилая башня из Йемена; г — башня в Абидосе (Египет); д — башня из Чечено-Ингушетии (Северный Кавказ); е — дом-крепость в Средней Азии; ж — жилая башня в штате Нью-Мексико (США); з — жилая башня народности "и" (Китай)

60. Location of entrances a—A nuraqa. Sardinia (Italy); b—A dwelling tower in Svanetia (Georgia); c—A dwelling tower, Yemen; d—Towers in Abidos (Egypt); e—A tower in Checheno-Ingushetia (the North Caucasus); f—A house-fortress in Central Asia; g—A dwelling tower in the New Mexico (USA); h—A dwelling tower of the "J" people (China)

(рис. 64, № 1–16). Идентичность форм башенного жилища обнаруживается в еще более обширном диапазоне, охватывающем уже не только отдельные страны, но и материки. Формы башенного жилища североамериканских индейцев на территории штата Колорадо мало чем отличаются, например, от башенных сооружений на территории Кавказа и Азии. Общее сходство оборонного жилища еще заметнее увеличивается вследствие одинакового характера использования природных условий (рис. 71–74, 95, 101, 112, 123, 124). Селения венчают вершины гор, ступенчато спускаются по крутым склонам, занимают островное положение, размещаются на плато с труднопреодолимыми подходами, под отвесными скалами в нишах, защищая себя от угрозы нападения сверху (рис. 125, 126).

Между планировочными решениями поселений и жилых домов высокогорных и долинных районов Грузии, Чечено-Ингушетии, Дагестана, Северной Осетии имеются существенные принципиальные различия. В то же время архитектура высокогорных областей этих республик обнаруживает между собой много общего.

Типологическое сходство башенных ансамблей Сирии и Сванетии помогло понять до сих пор нерасшифрованную природу точечного размещения многочисленных придомовых башен в полуразрушенных башенных селениях древней Сирии, созданных за две тысячи лет до сванских. Композиционное сходство в структуре селений Сирии и Сванетии увеличивается применением аналогичных принципов размещения деревень на относительно ровных площадках без заметных перепадов.

Укрепленные селения, сконцентрированные на небольшой территории Кавказского хребта, сохранили следы древних форм и

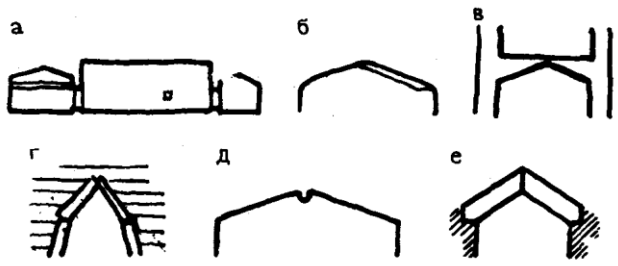
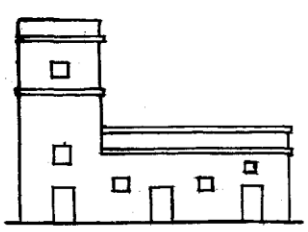

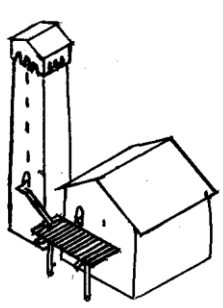
Рис. 63. Двускатная форма перекрытий и перемычек
а — гробница с высеченными в скале двускатными перекрытиями (по Перро и Шипье); б — двускатное перекрытие, высеченное в Вардзия, Грузия; — междуэтажное двускатное перекрытие из камня, Сванетия, Грузия; д — надоконная перемычка в культовом здании, Ирландия; е — двускатное перекрытие Этрусской гробницы; ж — перемычка, применявшаяся в Древнем Египте

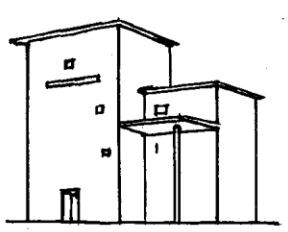
Рис. 64. Типологическое сходство башенных форм жилища многих стран
1 — Сирия. Башенное жилище; 2 — Грузия. Башенное жилище; 3 — Афганистан. Дома-крепости; 4 — Туркменистан. Дом-крепость; 5 — Китай. Башенное жилище; 6 — Северная Америка. Башенное жилище; 7 — Африка. Башенное жилище; 8 — Италия. Башенное жилище; 9 — Африка. Дома-крепости пилонного типа; 10 — Туркмения. Дом-крепость; 11 — Грузия. Дома-крепости пилонного типа; 12 — Швейцария. Дом-крепость; 13 — Грузия. Дом-крепость; 14 — Индия. Дома-крепости пилонного типа; 15 — Испания. Дом-крепость; 16 — Южный Йемен. Дом-крепость

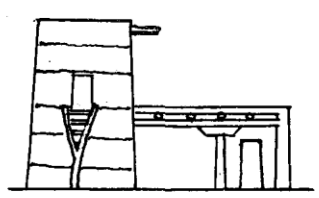
63. A rock gable floor and a lintel above a window
a—A sepulchre with cut in rock gable floor, after Perrot and Shipie; b—A gable floor cut in Vardzia, Georgia; c—Intermediate gable floor of stone in Svanetia towers. Georgia; d—A lintel above the window of a religious building, Ireland; e—Gable floor cut in an Etruscan sepulchre; f—Lintel used in Ancient Egypt

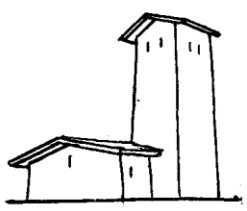
64. Typological resemblance of tower forms of dwelling in different countries
1—Syria. A tower dwelling; 2—Georgia. A tower dwelling; 3—Afghanistan. Houses-fortresses; 4—Turkmenistan. A house-fortress; 5—China. A tower dwelling; 6—North America. A tower dwelling; 7—Africa. A tower dwelling; 8—Italy. A tower dwelling; 9—Africa. Houses-fortresses of pylon type; 10—Turkmenia. A house-fortress; 11—Georgia. Houses-fortresses of pylon type; 12—Switzerland. A house-fortress; 13—Georgia. A house-fortress; 14—India. Houses-fortresses of pylon type; 15—Spain. A house-fortress; 16—South Yemen. A house-fortress

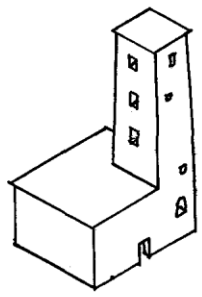

1

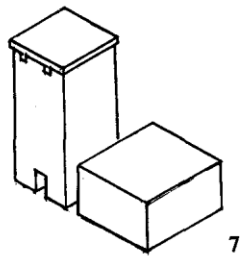

2

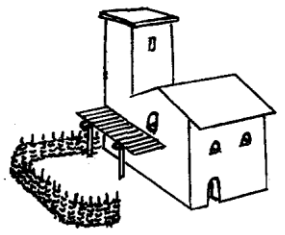

3

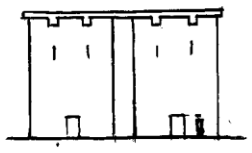

4

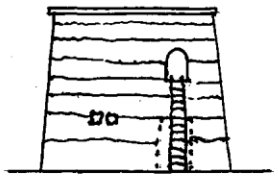

5

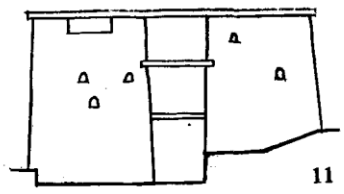

6

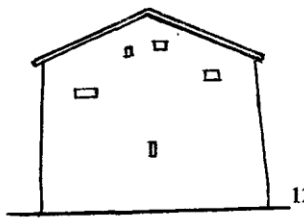

7

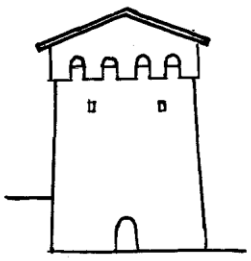

8

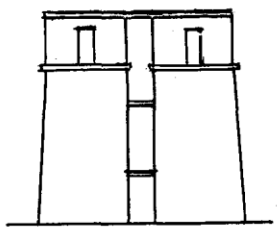

9

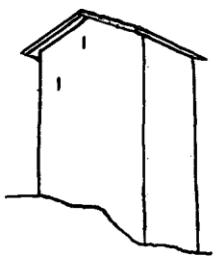

10

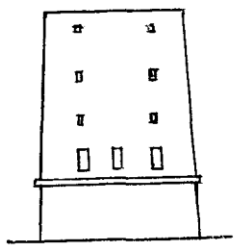

11

12

13

14

15

16

строительных приемов, в которых сочетаются местные традиции и наследие древнейших цивилизаций Азии и Европы. Существующие ансамбли укрепленного жилища Кавказа – звенья общего процесса появления этой формы жилища.

Датировка и определение очагов возникновения укрепленного жилища

Башенное жилище в течение продолжительного периода не сходит с исторической арены. Большинство данных, которыми мы располагаем, позволяет предположительно отнести возникновение укрепленного жилища к 1У–Ш тыс. до н. э. Однако последние раскопки на территории Передней Азии обнаружили под руинами Иерихона в слоях, датируемых 1Х–УП тыс. до н.э., остатки укрепленного поселения с высокой башней. Возникновение башенной формы жилища отодвигается, таким образом на несколько тысячелетий. Существуюшие башенные ансамбли были обитаемы и использовались по прямому назначению еще в XX в. В этих условиях датировать постройки без рассмотрения причин, вызвавших строительство именно оборонного жилища, достаточно сложно.

Хронологическая неравномерность стадиального развития между континентами, отдельными странами и внутренними районами некоторых стран, отражающая различия в историко-географических условиях существования, осложняет определение времени возникновения башенной формы жилища и ее места в истории развития архитектуры этих стран. Дата возведения конкретных башенных ансамблей, естественно, может не совпадать с периодом первоначального появления этой формы в данном районе, стране, на континенте.

Укрепленные жилища, сохранившиеся в горных районах Грузии, в основном датируются ХУ1–ХУШ вв. Но, согласно древним источникам, этот тип жилища существовал на территории Грузии значительно раньше.

На территориях Ирака и Ирана башенное крестьянское жилище существовало в 1У–Ш тыс. до н.э. в период становления раннеклассовых отношений в Эламе и Двуречье и в эпоху развития рабовладельческих государств в УП в. до н.э. в горных районах, судя по изображению на Ниневийском рельефе (рис. 85). Реликтовые формы башенного жилища северных горных областей Ирана и Афганистана дошли до настоящего времени и еще в начале XX в. были обитаемы. Они мало чем отличались от древнейших типов башенного жилища, несмотря на разрыв, достигающий нескольких тысячелетий.

Устойчивость форм и техника возведения мегалитических сооружений (дольмены, циклопические крепости) затрудняет их датировку. Шуази указывает, что самые древние дольмены, судя по найденным в них каменным орудиям, относятся к началу эпохи полированного камня, позднейшие возводились в средние века, как это имело место в Скандинавских странах [288].

Циклопические сооружения Закавказья хронологически распределяются от века бронзы до эпохи феодализма. Одни и те же приемы кладки стен, обработки камня, система перекрытий повторяются от эпохи неолита до средневековья.

"Строительные приемы устройства жилища в Египте не менялись тысячелетиями. Современная хижина феллаха возводится из тех же стен из кирпича-сырца, с плоской

кровлей на настиле из пальмовых ветвей" [288].

Разрушавшиеся башенные ансамбли вновь восстанавливались на тех же местах, теми же строительными приемами, из тех же местных строительных материалов. И только коренные изменения в социальном укладе приводили к исчезновению этого типа жилища. Таким образом, на основе сходства строительных приемов, еще нельзя датировать памятник и отнести его к определенной эпохе. Так в Средней Азии из пахсы, древнейшего строительного материала, строили, не меняя техники, во все эпохи, включая XX в.

Обширный диапазон хронологических сдвигов в истории появления, развития и исчезновения укрепленного жилища находит себе параллель в эпосе героических эпох, создававшемся у разных народов в различные периоды. Так, "героический век" Шумера относится к концу первой четверти Ш

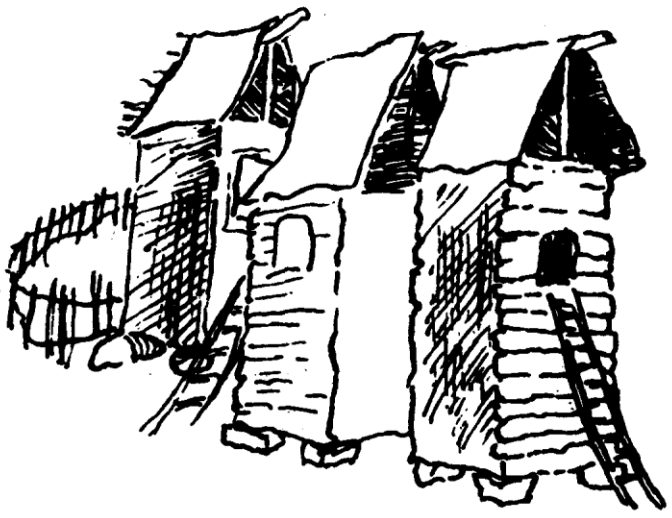

Рис. 65. Башенное жилище в XУП в. в Имеретии (рисунок Кастелли)

65. A tower dwelling of the XVII century in Imeretia (drawing by Kastelly). Head-pieces, tail-pieces

тыс. до н. э.; Сванский эпос об Амирани появляется к середине П тыс. до н.э.; "героические эпохи" Греции – к концу П тыс. до н.э., Индии столетием позднее, а древних германцев – к 1У–У1 вв. н.э. Но всех их объединяет стадия перехода от родового общества к классовому, близость религиозных представлений и эстетических критериев [289]. С. Крамер указывает, что "героические эпохи" вовсе не являются литературным вымыслом, а представляют собой очень важный для истории цивилизации этап [290]. Показательно, что эпическая литература шумеров, индусов, греков, древних германцев и других народов мира включает в себя описания укрепленных селений и башенных жилищ. Так – Гильгамеш создает укрепления; в "Амираниани", у Гомера и древнем германском эпосе в башнях живут; в "Ригведе" разрушают укрепленное жилище.

Также и башенный тип жилища возникает на разных территориях в различные периоды, но народы, пользующиеся этой формой, находятся примерно на одинаковой стадии общественного и культурного развития. Так, массовое башенное жилище североамериканских индейцев в штатах Колорадо и Нью-Мексико, по форме и композиционным приемам сходное с евразийским (Ш тыс. до н.э.), датируется УП–ХУ вв.

Одним из источников, дополняющим сведения о времени возникновения укрепленных селений и оборонных форм жилища, является семантика слов, характеризующих этот тип сооружения. Шухардт, изучая происхождение башенного жилища, обратил внимание на древний египетский иероглиф для слова "замок", представляющий прямоугольник с маленьким квадратом в нижнем правом углу. Этот знак повторяет планировку укреплений, воздвигнутых на границе с

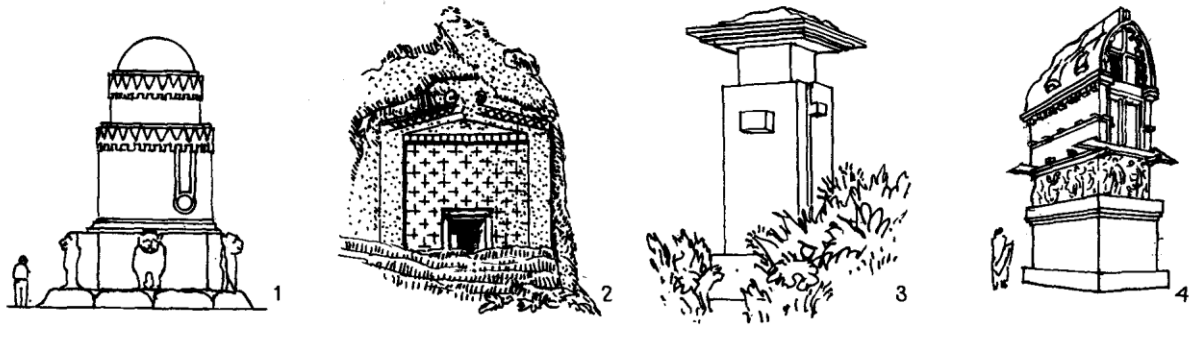
Нубией около Абидоса при II династии (около 3200 лет до н.э.). Определяя эти крепости как жилые башни, он делает вывод о широком распространении башенной формы жилища в древнем Египте [291].

В Сванетии башни называют "мурквами". Ив. Джавахашвили на основе лигвистического разбора происхождения этого слова установил, что это древнейшее название четырехугольной в плане башни было принято в Западной и Восточной Грузии еще до IУ в. Затем смысловое значение слова "мурквами" во всех районах Грузии, кроме Сванетии, было утеряно. В средневековый период круглые башни именовались "годоли". В более позднее время, под мусульманским влиянием, пришло название "кӧшки". Полученные в результате семантического анализа данные подтверждают древнюю традицию возведения в Грузии четырехугольных в плане башен. [292].

В персидских говорах "кала" означает холм, возвышенность, что можно связать с общей тенденцией селиться в целях безопасности на холмах. Термин " Qula означает укрепленное селение; укрепленную крестьянскую усадьбу; четырехугольную ограду оборонного характера, куда ставятся юрты; отдельную жилую башню, а также крепость и замок [293]. С древнейших времен на территории Средней Азии существовали селения укрепленного типа. В Киргизии термин "кӧшк" первоначально означал народное укрепленное жилище, в УП–Х вв. этим словом определяли уже феодальный замок с крепостной стеной вокруг [294].

Термины "пур" в Индии, "пу", "чжай" в Китае, "кала", "кох", "кӧшк", "динг", "ховла", "учек" в Средней Азии и "мурквами" в Грузии древнего происхождения и имеют идентичный смысл, обозначая укрепленное селение, укрепленную усадьбу, укрепленное жилище. Впоследствии, по мере дальнейшего развития общества, некоторые из этих терминов приобретают дополнительное смысловое значение, определяя уже не только народное (крестьянское) укрепленное жилище, но и крепости, кремли, донжоны и замки феодального периода, получивших, например, в Средней Азии название "кӧшк". Древнейшие термины, обозначающие укрепленное жилище, – египетский иероглиф, "мигдол", упоминаемый в Библии [295], "мур" у халдов [296], "мурквами" в Грузии, "пуры" в ведических гимнах Ригведы в Индии [297] и другие географически связаны с местами массового распространения башенных форм жилища. В Йемене терминология, применяемая в строительстве укрепленного жилища, сохранилась с древнейших времен.

Хеттские, урартские и античные победные реляции часто сообщают баснословные данные о захваченных "городах" и "крепостях", исчисляя их сотнями: так, хетты за три дня пути берут более 100 городов; урартские надписи сообщают о захвате Аргишти 1 в одной части Диаухи 105 "крепостей" и 453 "городов"; в соседней области Сардури П за один день покоряет 35 "крепостей" и 200 "городов" [298, 299]. Тиверий Гракх разрушает 300 кельтиберийских городов в Испании, где по некоторым античным источникам, существует более 1000 "городов". Эти сведения вызывают сомнение у исследователей, в том числе у многих античных авторов, считавших, что "городами" ошибочно назывались укрепленные башенные поселения [300] . С.П. Толстов относит 1200 "замков" раннесредневекового периода к укрепленным усадьбам свободных землепашцев [301] .

67. Some tower-shaped religious and memorial monuments taken from ancient and modern sources
1—Magazil near Amrita. A tower tomb. Phoenikia. The grave is placed directly under the tower; 2—"Midas sepulchre" cut in rocks of cubic proportion; 3—"Harpy Monument" in Ksandy. Likya. The funeral chamber is at the top; 4—A free standing sepulchre (the British Museum). Likya. The funeral chamber is at the top; 5—A funeral chamber near Nakshy-Rostem in Iran. Entrance is at the 2nd floor; 6—An Etruscan sepulchre; 7 — Model of a tower-burial ground near Vandu, China; 8 — A tower sepulchre in Palmir. Syria. The entrance is raised above the ground; 9 — A stele in Aksum Ethiopia; 10 — House of Knowledge in Ethiopia; 11 — A tower in Ubisi, Georgia; 12 — A sanctuary sieling near the Erzi settlement in Ingushetia;

ве. Оборонный характер финикийского башенного погребения близ Амрита не вызывает сомнений (рис. 67, № 1), он подтверждается наличием зубцов на венчающих частях двух цилиндрических блоков, стоящих друг над другом на общем постаменте. Башня завершается сферическим перекрытием, и типологически близка к изображению башен с куполообразным перекрытием на протоэламской печати.

Фригия, Пафлагония, Кария, сравнительно небольшие государства, оттесненные из прибрежной полосы Эгейского и Черного морей в гористые местности, находились в состоянии военных конфликтов с более сильными соседями, что вынуждало их возводить оборонительные сооружения. Их строительное искусство дошло только в памятниках, связанных с погребальным культом. Высеченные в скалах гробницы Фригии (1Х-1У вв. до н. э.) повторяют формы жилища. Наиболее известная из них так называемая "гробница Мидаса", близ Доганлу, имеет пропорции дома-крепости (10 м ширины и 17 м высоты) и перекрыта двускатной кровлей (рис. 67, № 2). Фасад ее изображен на передней плоскости отдельно стоящей скалы.

Гробницы Ликии относятся к более позднему времени (У1-1У вв. до н.э.), чем фригийские. Часть свободно стоящих ликийских гробниц высечена из монолитных скал и имеет башенную столбообразную форму. Так называемый "монумент Гарпии" (рис.67, № 3) в Ксанфе представляет собой глухой объем с выступающими наверху балкончиками, напоминающими машикули на боевых башнях. Небольшая погребальная камера находится наверху и завершается сильно выступающей плоской крышей, состоящей из четырех нависающих друг над другом плит. Следует отметить, что гробница высечена в скале и устройство выступающих частей осложняет и увеличивает объем работ. Другая ликийская свободностоящая гробница (рис. 67, № 4) представляет расчлененный горизонтальными поясами вертикальный объем с глухими нижними этажами и с входами, расположенными в третьем и четвертом этажах верхней части гробницы, имитирующей в камне деревянные конструкции.

В Двуречье древние храмы Шумера и Аккада повторяли два основных композиционных приема организации жилища, получивших повсеместное распространение. На юге в Шумеро-Аккаде (позднее Вавилонии) - развивали композицию, группируя все помещения вокруг центрального двора.

В северной части Двуречья (позднее Ассирии) доминировал тип жилища, где все помещения сосредоточивались в одном компактном объеме. Зиккурат является жилым домом, жилищем божества, а не намогильным сооружением, как пирамиды в Египте. Зиккураты юга в древние времена, как и жилые дома, включались в общую композицию культового комплекса. На севере, в Ассирии, где двор не был организующим началом, зиккураты чаще всего стоят свободно.

В середине У1 в. до н.э., когда заканчивалось объединение племен, положившее начало государственности, Киром была построена на высоком плато, окруженном горами, столица Персии Пасаргады. Наиболее известным памятником в нем стала гробница Кира. Тип гробницы необычен для доахеменидских надгробий и не повторяется позже. Она представляет собой прямоугольную камеру, поставленную на высокий ступенчатый постамент. Общая высота всего сооружения до конька двускатной крыши, выполненной в том же материале, что и стены, составляет 11 м, при размерах самой камеры 3,16х2,18 м. Представляются важными сведения, которые Страбон передает с чужих слов, что гробница Кира имела вид

10-этажной башни и тело Кира находилось в самом верхнем этаже. Далее Страбон приводит значительно более поздние сообщения о том, что́ башня (опять-таки башня!) была большой и (только) двухэтажной [312].

В 521 г. до н. э. Дарий 1 основал Персеполь, новую резиденцию в Персиде, в горной долине у склона крутой скалистой горы. В 5 км от Персеполя в Некш-и-Рустаме находятся многочисленные гробницы. Примечательно, что в Персии, где культ мертвых был достаточно развит, ранние гробницы повторяют формы башенного жилища, и только при Дарии 1 (около 500 г. до н.э.) окончательно устанавливается тип дворцовых гробниц, которые высекаются в скалах, господствующих над Персеполем. Погребальная башня около Некш-и-Рустама, по форме приближающаяся к кубу (рис. 67, № 5), имеет на уровне второго этажа проем-вход, в который можно попасть только по приставной лестнице. Прием этот достаточно подробно разбирался выше, как один из характернейших элементов организации оборонного жилища, начиная с Ш тыс. до н. э. Остатки подобной же погребальной башни имеются в Пасаргадах.

Этрусские гробницы архаического периода, расположенные в основном в горных районах, по своим пропорциям приближаются к башенному жилищу; они датируются УП-У1 вв. до н. э. и обычно высекались в скалах из мягкой туфовой породы, легко поддающейся обработке (рис. 67, № 6). Скальные гробницы в районе Витербо носят название "кубических" и чаще всего вырезаны в скале на 3/4 или на 1/2 объема.

Отзвуки древних традиций возведения башенных гробниц можно проследить в сообщениях античных авторов. Так, Филлон Византийский в Ш в. до н. э. предлагал строить гробницы великих мужей в виде башен. Геродиан (Ш в. до н. э.) и Лампидий (У в. н.э.), описывая деятельность Гелиогобала, финикийца по происхождению, сообщают о том, что он построил в Риме огромные высокие башни. Лампидий добавляет, что Гелиогобал дал распоряжение построить в Риме высоченную башню, с которой он собирался броситься вниз [313]. Эти сообщения о башнях перекликаются с описаниями античными авторами поведения вождей племен, живущих в башенных селениях на территории Передней Азии и Кавказа.

Сирия, несмотря на сильные римские и иранские влияния, сохраняла в архитектурных памятниках местные традиции. Гробницы башенной формы в Пальмире с почти гладкими, слегка наклонными стенами повторяют формы сирийской башенной жилищной архитектуры (рис. 127). Башенная гробница Ямлиха (83 г. н. э.) имеет античный характер обработки деталей, но по своей форме и расположению одного из входов высоко над землей отражает местную сирийскую башенную оборонную архитектуру (рис. 67, № 8).

Сирийские культовые ансамбли раннего христианства и ислама повторяют многие элементы жилищной архитектуры, в том числе и башенной. Ранние храмы трудно отличить от жилья [314]. В культовом ансамбле, датируемом 412 г., имеется 6-этажная башня. В ее верхнем этаже по четырем сторонам устроены проемы, выходящие на выступающие балкончики. По расположению и форме балкончики напоминают машикули коронок башенных комплексов Кавказа. В сирийских культовых ансамблях, находящихся в Южном Хауране, колокольни при монастырях повторяют внешние формы и строительные приемы башенного жилища. Монастырь св. Георгия построен из

тесаных камней. Первый этаж башни-колокольни в этом ансамбле забутован и представляет монолит, вход организован на уровне второго этажа. Оба приема характерны для башенного жилища. Приводимые Батлером материалы по реконструкции и анализу ранних мечетей с минаретами указывают на их сходство с башенными жилищами Сирии набатейского периода [315].

Башенные дома доисламской Аравии и простейшие гробницы Петры пилонного типа, а также гробницы в Хиджре набатейского периода обнаруживают большое композиционное сходство. На скалах вырублены фасады четырехгранных домов-крепостей-гробниц, увенчанных зубцами, с характерным для Южной Аравии профилем [316, 317]. В свою очередь, на связь этих гробниц с погребальными башнями Пальмиры указывают многие исследователи [318, 319, 320]. В Хадрамауте имеются башенные надгробия, которые подобно гробницам Петры повторяют внешний облик укрепленного жилища. Миниатюрные модели хадрамаутских башенных домов воспроизведены на некоторых надгробиях кладбища Хадрамаута [321]. Мотив ажурного парапета, состоящего из ступенчатых угловых и средних акротериев, венчает плоские крыши домов-крепостей Йемена и Хадрамаута, и он же изображается нередко на мемориальных и культовых сооружениях Йемена, Хадрамаута, Эфиопии и Петры.

Формы башенного жилища древней Эфиопии нашли отражение в сооружении башенных стел. В одной из самых высоких стел, достигающей 26 м (рис. 67, № 9 и рис. 128), в камне имитируется деревянная конструкция сложной каркасно-стоечной системы, указывающей на богатый опыт обращения с деревом.

Панхерст указывает, что целый ряд элементов и деталей, свойственных эфиопской архитектуре дохристианского периода, целиком или в несколько переработанном виде вошел в архитектуру культовых зданий Эфиопии. [322]. В Эфиопии повторяли круглые и прямоугольные в плане формы жилища в церквях. Влияние народной архитектуры на общественные сооружения можно легко обнаружить в так называемом "доме знания", где хранятся пергаментные церковные рукописи (рис. 67, № 10 и рис. 130).

В Средней Азии богатые традиции народного зодчества также использовались в культовых сооружениях [323]. Минареты раннего периода исламизации повторяли формы башенного жилища и выполняли функции дозорных и оборонительных сооружений. В Киргизии минарет XI в. в Чуйской долине использовался как фортификационное сооружение. Вход устроен на уровне 5 м от земли, в минарет попадали по приставной лестнице. Медресе с внешними угловыми башнями в Узбекистане отражают композиционные приемы возведения укрепленного жилища.

В Афганистане древнее народное жилище с центрично-ступенчатыми ложными сводами и башенные формы жилища оказали большое влияние на архитектуру мемориальных и культовых сооружений в стране [324].

Монастыри и жилые ансамбли в Гималаях и Гиндукуше размещались в уединенных, малодоступных местах, их трудно отличить друг от друга по внешнему виду. Характер архитектуры жилища и монастырских зданий варьируют различные композиционные сочетания домов-крепостей. В Индии – в Бутане и Кашмире, в Китае – в районе Тибета, монастыри, расположенные на вершинах скал, почти без изменений повторяют формы укрепленного жилища (рис. 129, № 1-10).

Литературные источники и ритуальные модели башенных домов и погребений в различных провинциях Китая служат указанием на широкое распространение этой формы жи-

пенчатая форма кровель весьма распространена (рис. 132, №9) в Китае, Индии, Камбодже и других странах юго-восточной Азии. Виолле ле Дюк сравнивает ступенчато-пирамидальные формы культовых сооружений Индии с описанием колходских башен у Витрувия [345]. Можно предположить, в порядке постановки вопроса, генетическую связь этой формы с народным жилищем этих стран подобно тому, как это имеет место на территории Кавказа (рис. 132, № 1-14).

Значение народного укрепленного жилища (в районах его распространения) для развития раннефеодальной архитектуры

Формирование рабовладельческих и феодальных государств в отдельных странах и на континентах протекало неравномерно, причем хронологические разрывы в отдельных случаях достигали тысячелетий. Наряду с повсеместным разрушением массового укрепленного жилища классовое общество на ранних стадиях использует эту форму, наполняя ее уже другим содержанием, отражающим его интересы.

В период становления централизованных монархий многочисленные феодальные замки явились тормозом для утверждения абсолютизма. Подобно тому, как это происходило с массовым укрепленным крестьянским жилищем, замки лишаются оборонительных функций, превращаясь в помещичьи усадьбы. Процесс этот протекал в условиях длительных войн, где сталкивались интересы различных привилегированных сословий внутри страны.

На связь раннефеодальных донжонов с крестьянским башенным жилищем в древнем Хорезме указывает С. И. Толстов [346]. Он отмечает, что средневековый Хорезм пользовался жилыми башнями апасиаков (горное племя У-П вв. до н. э.), как образцами для строительства своих жилых башен - "донжонов", а не перенимал формы и строительные приемы эллинистических оборонных сооружений, имевшихся в достаточном количестве как на территории Хорезма, так и в окружающих районах. В других районах Средней Азии наблюдалась подобная же закономерность [347, 348, 349]. В Киргизии башенное жилище послужило прототипом для ранних донжонов [350]. Типы укрепленных иранских поселений повторяются в ранних замковых сооружениях средневекового Ирана.

На Востоке и Западе, на формирование раннесредневековой архитектуры оказывали влияние местные типы жилища. Античным традициям противопоставлялись местные архитектурные решения, может быть, менее совершенные по форме, но более прогрессивные по заложенным в них идеям.

Повсеместное проникновение феодальных отношений на территории Европы приводит к исчезновению массового укрепленного жилища быстрее, чем на Востоке. Но местные очаги оборонного жилища на Балканском полуострове, во Франции, Италии, Испании, Швейцарии, Скандинавских странах, Великобритании и Ирландии повлияли на дальнейшее развитие архитектуры раннего средневековья в этих странах.

Общая недооценка роли местных архитектурных традиций в формировании раннесредневекового зодчества в Европе и на Кавказе приводит к поискам источников заимствования извне. Вместе с тем древние авторы и результаты археологических изысканий указывают на распространение во многих районах этих стран монументальных форм оборонного жилища задолго до появле-

ния рабовладельческого строя и античных формаций.

Народное укрепленное жилище может послужить первостепенным источником к изучению раннефеодальной архитектуры. Н. Б. Бакланов указывает на возможность восстановления образа раннесредневековых донжонов по ансамблям башенного жилища на Кавказе, в частности в Дагестане [351].

Общность выявляется прежде всего в максимальном использовании естественных условий в целях усиления обороноспособности. Феодальные замки раннего периода располагались на крутых горных рельефах или в долинах с естественными преградами (рис. 129, № 7, 8). В дальнейшем, по мере усложнения феодального крепостного зодчества, центр тяжести обороноспособности был перенесен на создание искусственных укреплений.

В раннефеодальных донжонах предпочтение отдается прямоугольному плану. Помимо того, что эта форма значительно удобнее для постоянного жилища, чем круглая, известную роль в этом выборе могли сыграть и бревенчатые сооружения, предшествовавшие каменным во всех богатых лесом странах. Лаконичная объемная композиция и зально-башенное плановое решение ранних донжонов и домов-крепостей идентичны, разнообразие отмечается только в размерах, являющихся главным отличительным признаком между крестьянским оборонным жилищем и донжоном [352]. Такая близость архитектурных решений и отдельных мотивов (рис. 70) характерна только на ранних стадиях, затем она исчезает.

Организация входа, приподнятого над землей, при помощи легко убираемой лестницы характерна для ранних донжонов многих стран Востока и Запада.

В ранних донжонах Франции первый этаж решен монолитом, приставная лестница вела непосредственно на второй этаж, откуда уже внутренняя лестница соединяла между собой остальные этажи [353]. Рыцарский замок "кёшк" в Хорезме имел вход со второго этажа. В Топрак-Кале доступ на второй этаж осуществлялся по перекидному мостику, соединявшему укрепленное жилище с башней-донжоном. Аналогичный прием связи между укрепленным жилищем и башней был распространен по всей Сванетии. Башни некоторых крепостей Грузии имеют забутованную нижнюю часть и расположенный высоко над землей первый этаж [354].

По мере дальнейшего развития феодальной системы донжон из "дома-крепости", жилой башни, объединяющей в одном лаконичном объеме все функции (жилья, обороны, хозяйственных помещений), эволюционирует в сторону увеличения числа помещений. Народный прием организации замкнутого двора, окруженного по периметру жилыми ячейками, превращается в центрально-дворовую композицию замкового ансамбля.

А. Деманжон [355, 356, 357], разбирая эти формы в крестьянском жилище Франции, называет сгруппированные в один объем, maison bloc, группирующиеся вокруг замкнутого двора - maison cour fermée. Но независимо от увеличения числа помещений и принятого приема: maison bloc или maison courfermée в раннем средневековье сохраняется замкнутый и суровый характер оборонного жилища, внешне никак не отражающего превращение зала в открытый двор. Центрально-дворовый принцип укрепленного народного жилища получает развитие в дворцах и караван-сараях, носящих на ранних стадиях формирования оборонный характер. Дальнейшая эволюция донжонов шла по пути превращения их в один из элементов замкового ансамбля.

оборонного народного жилища, сохранившимися на территории других континентов и возникших при аналогичных социальных условиях.

Заключение

Существование крепостных форм жилища в далеком прошлом позволяет пересмотреть степень участия ряда стран в развитии монументальных башенных ансамблей на различных стадиях развития архитектуры классовых обществ и приобщить к этому процессу широкий круг народов, ранее выпадавших из общей истории развития монументального зодчества. Вклад "варварской периферии" в развитие оборонной архитектуры в различные исторические периоды, начиная с рабовладельческого общества, обогатил строительные приемы и способствовал совершенствованию ее формы. Расположение очагов древних земледельческих культур и укрепленного жилища в широком географическом диапазоне хорошо иллюстрирует искусственность противопоставления востока – западу и "морских" цивилизаций – "континентальным".

В силу ряда исторических причин отдельные группы народов, занимавших ключевые позиции в развитии древних центров культуры, в дальнейшем оказались в стороне от общего поступательного развития цивилизации. Но роль их в истории архитектуры была значительной. Это положение можно проследить на примере Грузии, где горные районы занимали ведущее положение до эпохи поздней бронзы [363], а затем, отстав от общего хода исторического развития, сохранили реликтовые формы социальных отношений и укрепленное жилище до XX в. Но башенное жилище Горной Грузии вошло, наряду с другими типами древнего жилища, в историю архитектуры страны в целом.

Совершенство произведения искусства не зависит от уровня стадиального развития создавшего его общества. За всю историю цивилизации создавались художественно неравноценные произведения. Лучшие из них закладывали во всех областях искусства фундамент для дальнейшего совершенствования, плохие – отмирали. Связь с природой, масштабность в сочетании с монументальностью, соразмерность всех элементов приводят к созданию высокохудожественных ансамблей башенной архитектуры во многих странах мира. Эти народные "мелодии" затем использовались зодчими профессионалами при создании "симфонии" – великолепных ансамблей развитых форм архитектуры.

Отход от функциональности архитектурных сооружений, как это имело место при создании гигантских сооружений восточных деспотий, заводит в тупик. Дворцы, культовые сооружения грандиозностью своих объемов утверждали незыблемость власти и контраст между царем-богом и человеком. В античном мире эталоном архитектуры был человек. Стадионы, цирки, гимнасии, форумы, агары, театры, храмы обслуживали большую группу людей. Демократические элементы архитектуры античного мира и ее масштабность получили дальнейшее развитие в архитектуре народов всех стран.

Укрепленные ансамбли сочетают монументальность с масштабностью отдельных частей и всего сооружения в целом. Эмоциональное выражение мощи не подавляет психику, а вселяет уверенность в безопасности. Монументальная архитектура, развиваясь, создала крепостное жилище, послужившее материалом для применения этой формы при решении самых различных задач, поставленных обществом перед архитектурой.

Достигнутый уровень мастерства при решении укрепленных ансамблей показывает, что народные мастера не только создали жилище, развивающееся по вертикали, но умелым сочетанием вертикальных объемов с горизонтальными расширили возможности художественной и эмоциональной выразительности общих архитектурных композиций, способствуя дальнейшему прогрессу в развитии не только отдельных типов жилища, но и градостроительных приемов на ранних этапах развития архитектуры.

Изучение укрепленного жилища, и в том числе его башенной формы, как одного из типов народного жилища, по существу только начинается. Объективные данные указывают, что на территории Африки, Южной и Центральной Америки, а также Евразии могут быть обнаружены еще неизвестные центры жилища оборонного характера. География распространения народного укрепленного жилища составлена впервые и является попыткой систематизации имеющихся фрагментарных и разбросанных сведений о башенном жилище. Установленные закономерности появления и развития этой формы помогут в дальнейших поисках по выявлению очагов размещения укрепленного жилища.

Примечания

1. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1970, с. 24.
2. Куфтин Б.А. Археологические раскопки в Триалети. Опыт периодизации памятников. Тбилиси, 1941, с. 1–2.
3. Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XШ–X1X вв.). Орджоникидзе, 1967, с. 17.
4. Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, с. 358–360.
5. Бардавелидзе В.В. Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси, 1957, с. 43.
6. Иванюк И. и Ковалевский М. В Сванетии. Вестник Европы, 1886, УШ, с. 568–612; 1X, с. 5–59.
7. Эристов Р.Д. Заметки о Сванетии. Зап. Кавк. отд. геогр. об-ва, X1X, 1897, прил. 2, с. 1–3.
8. Крупнов Е.И. К истории Ингушетии. Вестник древней истории, 2/7, М., 1939, с. 88–90.
9. Народы мира. Народы Кавказа. Т. 1. М., 1960, с. 379.
10. Мовчан Г.Я. Социологическая характеристика старого аварского жилища. Кавказский этнографический сборник, У. М., 1972, с. 120–123.
11. Кригер С. Архитектура горных селений Северной Осетии. Архитектурное наследство, 3, М., 1953, с. 148–150.
12. Такоева Н.Ф. Из истории осетинского горного жилища. Советская этнография, 3, 1952, с. 187–189; Чибиров Л.А. Осетинское народное жилище. Цхинвали, 1970, с. 84–93, 99–102.
13. Магометов А.Х. Культура и быт осетинского крестьянства. Орджоникидзе, 1963, с. 96.
14. Народы мира. Народы Кавказа. Т. 1. М., 1960, с. 317–319; Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Указ. соч. с. 31, 48, 50, 60, 130–140.
15. Кокиев Г.А. Боевые башни и заградительные стены горной Осетии. Известия Южно-Осетинского научно-исследовательского института краеведения, 11, Сталинири, 1935, с. 222.
16. Калоев Б.А. Осетино-Балкарские этнографические параллели, Советская этнография, 3, М., 1972, с. 24–26; Материальная культура и прикладное искусство Осетии. М., 1973, с. 9, 25–26.
17. Народы мира. Народы Кавказа. Т. 1. М., 1960, с. 359, 378.
18. Plaetschke Bruno. Die Tschetschenen Forschungen zur Völkerkunde des nordöstlichen Kaukasus auf Grand von Reinsen in den Jahren 1918–1920 und 1927–28 von dr. Bruno Plaetschke. Veröffentlichung des geographischen Instituts der Universitat Königsberg, H.XI,Hamb., 1928,s.65–66.
19. Робакидзе А.И. Жилища и поселения горных ингушей. Кавказский этнографический сборник, 11. Очерки этнографии горной Ингушетии, Тбилиси, 1968, с. 43–44, 48–54.
20. Шеблыкин И.П. Искусство ингушей. Известия Ингушского научно-исследовательского ин-та краеведения Чечено-Ингушской АССР, Владикавказ, 1928, с. 279–282.
21. Марковин В.И. В стране вайнахов. М., 1969, с. 12, 14, 32–38.

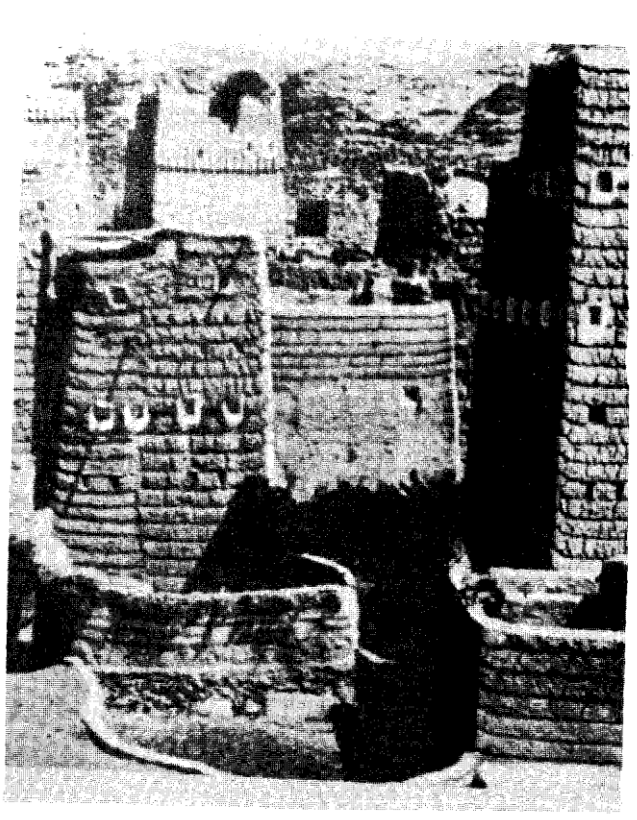
рии архитектуры, сб. 1, М., 1961, с. 180 п.
156. Tchalenko. Villages antiques de la Syrie du Nord, Le massur de Bélus a l'époque romaine (Institut francais d'arheologie de Beyrouth, Bibleiotheque et historique, t. L.) p.I-II, 1953 p.I, p. 20, 30-31. 173. 196, 345, 396-398.
157. Чайлд Г. У истоков европейской цивилизации. М., 1952, с. 104-106, 109-110, 129, 309-313, 347, 350, 365-379.
158. Evans A. The palace of Minos at Knossos, V.I.London, 1921, p. 306.
159. Монгайт А. Археология Западной Европы. Бронзовый и железный век. М., 1974. с. 95, 96, 158.
160. Lilliu G. The Nuraghi of Sardinia. Antiquity. A quarterly review of Archology, Vol. XXXIII N 129 March 1959,p.32-38 (Plates VII, VIII).
161. Будина О.Р. Народное жилище албанцев. Указ. соч., с. 102-103.
162. Народы мира. Народы зарубежной Европы, т. 11, 1965, с. 358-360.
163. Листова Н.М., указ. соч., с. 180
164. Egli Ernst, Geschichte des Städtebaues. Erlenbach. Zurich und Stuttgart, 1954, s. 138-140.
165. Гроздова И.Н Указ. соч., с. 305.
166. Монгайт А., указ. соч. с. 251
167. Зубов В.П. и Петровский Ф.А. Архитектура Античного мира. М., 1940, с. 51-52. Фукидид, Ш, 21, 6, § 1-3.
168. Страбон. Кн. Ш, гл. Ш, § 8, гл. 1У, § 13, гл. У, § 5. Указ. соч., с. 152-158, 165.
169. Садомская Н.Н. Указ. соч., с. 288.
170. Монгайт А., указ. соч. с. 294-296.
171. Страбон. Кн. 1У, гл. П, § 3, кн. У, гл. П, § 7. Указ. соч., с. 170-197, 211.
172. Витрувий. "Десять книг об архитектуре", кн. 2, гл. 9, §§ 15, 16. Перевод Ф.А. Петровского, М., 1936, с. 59
— Чайлд Г. Прогресс и археология. М., 1949, с. 130; Монгайт А. Указ. соч., с. 248-249.
173. Зубов В.П. и Петровский Ф.А. Архитектура античного мира. М., 1940, с. 476 (Авл. Гелий. Аттические ночи, ХУ, 1).
174. Флор. "Сокращения из Тита Ливия о всех войнах (в течение) 700 лет, две книги", кн. П, § 28. - В кн.: В.В. Латышев. Указ. соч. Вестник древней истории, Ш, М.-Л., 1949, с. 232.
175. Приск Понтийский. Готская история. В.В. Латышев. Вестник древней истории, 4, М.-Л., 1948, с. 254.
176. Schuchhardt., указ. соч. с. 439.
177. Блаватский В.Д. Очерки военного дела в античных государствах. М., 1954, с. 103-105. Смирнов А.П., Скифы. М., 1966, с. 37.
178. Пиотровский Б.Б. Археология Закавказья. Л. 1949, с. 32, 41, 43, 57; Куфтин Б.А. Археологический маршрут экспедиции 1945 г. в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси, 1949, с. 39.
179. Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии, Тбилиси, 1959, с. 209.
180. Мещанинов И.И. Циклопические сооружения Закавказья. Известия Гос. Академии истории материальной культуры (ГАИМК) ХШ вып. 4-7, Л. 1932, с. 58. М.И. Артамонов. Достижения советской археологии ВДИ 2/7, М., 1939, с. 122-127.
181. Гекатей Милетский. Землеописание, фр. 154 (Jacoby, 185) St Byz -

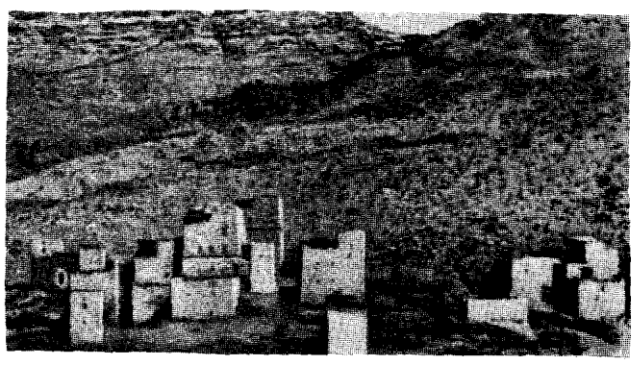
В кн.: В.В. Латышев. Указ. соч. Вестник древней истории, 1, 1947, с. 299.
182. Присциан, Землеописание, 731–749. – В кн.: В.В. Латышев. Указ. соч. Вестник древней истории, 4, 1949, с. 303.
183. Геродот. История. 14. Из описания народов, участвовавших в походах Ксеркса УП, 62, 78–79. – В кн.: В.В. Латышев. Указ. соч. Вестник древней истории, 2, 1947, с. 287.
184. Ксенофонт, Анабасис, кн. 1У, гл. 1У, § 1, 2, гл. УП, § 1, 2, 3, 17, гл. УШ, § 9, 22–24; кн. У, гл. 1, § 17, гл. П, § 1–27, гл. 1У, § 2, 14–16, 23–27, 30, 31, гл. У, § 1. Перевод М.И. Максимовой, М.–Л., 1951, с. 106, 107, 117, 118, 120, 122, 124, 125, 129–132, 135–139.
185. Лежава Г.И. Древнейшая деревянная архитектура по "Анабасису" Ксенофонта. Серия истории, археологии, этнографии и истории искусств, 3, Тбилиси, 1971, с. 90–103.
186. Ксенофонт. Кн. У, гл. 1У, § 3–9, 15, 20, 26, 34. Указ. соч., с. 135–139.
187. Максимова М.И. Местное население юго-восточного Причерноморья по "Анабасису" Ксенофонта. Дрилы и моссиники. Вестник древней истории, 1, 1951, с. 250–262.
188. Ксенофонт. Кн. 1У, гл. У, § 25. Указ. соч., с. 112.
189. Лежава Г.И. и Джандиери М.И. Архитектура Сванетии. М., 1938, с.8; Butler, указ. соч., с. 111, 126.
190. Безымянный автор. О чудесных слухах. 62 (Ранее приписываемый Аристотелю). В.В. Латышев. Указ. соч. Вестник древней истории, 2, 1947, с. 327–328.
191. Аполлон Родосский. Поход аргонавтов. Из предсказаний Финея аргонавтам, 11, 373–387, 392–407, 1009–1032. – в кн.: В.В. Латышев. Указ. соч. Вестник древней истории, 3, 1947, с. 280–281.
192. Безымянный автор (Скимин Хиосский?). Землеописание. Азия. 900–910. – В кн.: В.В. Латышев. Указ. соч. Вестник древней истории, 3, 1947, с. 313.
193. Страбон. Кн. ХП, гл. Ш, § 18, 28. Указ. соч., с. 515, 521.
194. Диодор Сицилийский. Библиотека, 8. Из рассказов Кира Младшего. Х1У, 30 (6,7). – В кн.: В.В. Латышев, указ. соч. Вестник древней истории, 4, 1947, с. 261.
195. Арриан. Объезд Эвксинского Понта. – В кн.: В.В. Латышев. Указ. соч. Вестник древней истории, 1, 1948, с. 270.
196. Дионисий. Описание заселенной земли, 761–774. Народы Закавказья. – В кн.: В.В. Латышев, указ. соч. Вестник древней истории, 1, 1948, с. 241.
197. Евстафий. Комментарии к "Землеописанию" Дионисия, 765. – В кн.: В.В. Латышев, указ. соч. Вестник древней истории, 1, 1948, с. 255.
198. Помпоний Мела. "Землеописание". Кн. 1 (106) – В кн.: В.В. Латышев, указ. соч., Вестник древней истории, 1, 1949, с. 273–274.
199. Плиний Г. Секунд. Естественная история, кн. У1, § 11. – В кн.: В.В. Латышев, указ. соч., Вестник древней истории, 2, 1949, с. 287.
200. Г. Валерий Флакк Сетин Бальб. Аргонавтики, восемь книг, 1У (615), У (150), – В кн.: В.В. Латышев, указ. соч., Вестник древней истории, 2, 1949, с. 342, 343.
201. Юлий Гонорий. Описание мира. А. 38. – В кн.: В.В. Латышев. Указ. соч., Вестник древней истории, 4, 1949, с. 276.
202. Гесихий Александрийский. "Лексикон". – В кн.: В.В. Латышев, указ. соч. Вестник древней истории, 4, 1948, с. 269.
203. Стефан Византийский. Описание племен. – В кн.: В.В. Латышев. Указ. соч. Вестник древней истории, 3, 1948, с. 322–323, 327, 329.

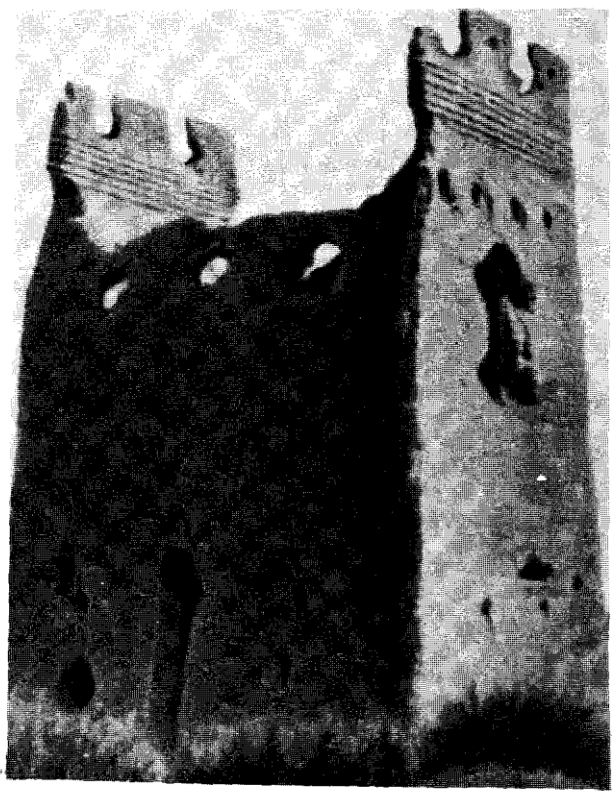
204. Витрувий. Кн. 11, гл. 1, § 4, 6. Указ. соч., с. 41–42.
205. Аполлон Родосский. Ш, 235–238. – В кн.: В.В. Латышев. Указ. соч. Вестник древней истории, 3, 1947, с. 283–284.
Страбон. Кн. X1, гл. Ш, § 1, 4, Указ. соч., с. 474.
Г. Плиний Секунд. Естественная история, кн. У1, § 12, 13. – В кн.: В.В. Латышев, указ. соч. Вестник древней истории, 2, 1949, с. 288–289.
Арриан. Объезд Эвксинского Понта, 12.– В кн.: В.В. Латышев. Указ. соч., Вестник древней истории, 1, 1948, с. 269.
Павсаний. Описание Эллады. Ш, 19, 7 и Ш, 24, 7. – В кн.: В.В. Латышев. Указ. соч. Вестник древней истории, 2, 1948, с. 229–230.
Тираний Руфин. Церковная история, об обращении народа Иберов, совершенным через пленницу. – В кн.: В.В. Латышев. Указ. соч. Вестник древней истории, 4, 1949, с. 245.
Стефан Византийский. Описание племен. Киты. – В кн.: В.В. Латышев. Указ. соч. Вестник древней истории, 3, 1948, с. 322.
206. Меликишвили Г.А. указ. соч., с. 86–98, 173.
207. Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа, с. 6, 7, 48, 174, 391, 395–398.
208. Кушнарева К.Х., Чубинашвили Т. Н. Древнейшие культуры Южного Кавказа. Л., 1970, с. 96–97.
209. Котович В.М. Верхнегунибское поселение – памятник эпохи Бронзы горного Дагестана. Махачкала, 1965, с. 19–23, 89–92.
210. Ковалевский Е.П. Очерки этнографии Кавказа. "Вестник Европы", 1X, 1867, с. 116–120; Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. Народное право горцев. т. 11, М., 1890; Джавахишвили Ив. Материалы по истории вещественной культуры грузинского народа.
1. Строительное искусство в древней Грузии. Тбилиси, 1946, с. 44 (на груз. яз.).
211. Закарая П.П. Крепостные сооружения Картли. Тбилиси, 1968, с. 19–21.
212. Вахушти. География Грузии. Записки Кавказского отделения императорского Русского географического общества. кн. XX1У в. 5, 1904, с. 65.
213. Кавришвили Б. Сванетия. Тифлис, 1926, с. 37–38 (на груз. яз.).
214. Адамиа И. Грузинское народное зодчество. Абхазия. 11, Тбилиси, 1968, с. 27, рис. 12 (на груз. яз.).
215. Воронина В.Л. Заметки о народной архитектуре Южного Таджикистана. Советская этнография, № 1, 1957, с. 138.
216. Левина В.А., Овезов Д.М., Пугаченкова Г.А., указ. соч., с. 27.
217. Воронина В.Л. Черты раннесредневекового жилища Средней Азии. Советская этнография, № 6, 1963, с. 84–96.
218. Бакланов Н.Б., указ. соч., с. 16.
219. Шуази О. История архитектуры, т. 1, М., 1935, с. 20.
220. Perrot G. et Chipier Ch. Histoire de l'Art dans l'Antiquite Tome V Perse, Phryqie-Lydie et Carie-Lycie. Paris, 1890, p. 114, 121, 185, 209.
221. Шуази О. История архитектуры, т. 11, М., 1937, с. 519.
222. Lilliu G., указ. соч., с. 33.
223. Крупнов Е.И. К истории Ингушетии, указ. соч. с. 85.
224. Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925–1932 гг. Грозный, 1963, с. 190.
225. Plaetschke, B. Указ. соч., с. 67, 76–77.

226. Харадзе Р.Л. Грузинская семейная община, т. 1, Тбилиси, 1960, с. 128, 159, 179–189.
227. Косвен М.О. Очерки по этнографии Кавказа. Советская этнография, № 2, 1946, с. 112–122.
228. Абазадзе Н.Л. Семейная община у грузин. Этнографическое обозрение, 3, 1889.
229. Butler, указ. соч., с. 142, рис. 100.
230. Кауфман С.А. Указ. соч., с. 117.
231. Лежава Г.И. и Джандиери М.И. Архитектура Сванетии, с.8.
232. Маргиани Д. Сванеты. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. 1890, с. 69–87.
233. Бардавелидзе В.В., указ. соч., с. 165.
234. Таварткиладзе И.Н. Грузинские лари скиври, Советская этнография, 3, М., 1965, с. 118–123.
235. Робакидзе А.И. Жилища и поселения горных ингушей. Указ. соч., с. 69–70.
236. Меликишвили Г.А., указ. соч., с. 195–197; Пиотровский Б.Б., указ. соч., с. 114; Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф., указ. соч. с. 210.
237. Гуляев В.И. Древнейшие цивилизации Мезоамерики. М., 1972, с. 156; Престон Д. Латинская Америка. М., 1949, с. 74–76.
238. Дьяконов И.М. История Мидии от древнейших времен до 1У в. до н.э. М.–Л., 1956, с. 227.
239. Мещанинов И.И., указ. соч., с. 61–69, рис. 17, с. 66, 96–98.
240. Джавахишвили А.И. Строительное дело и архитектура поселений Южного Кавказа У–Ш тыс. до н.э. Тбилиси, 1973, с. 13–27, 324–325, табл. 3, 20в.
241. Пугаченкова Г.А. Пути развития архитектуры южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма, с. 17.
242. Rudofsky B., указ. соч., с. 62–66, 99, 100.
243. Мовчан Г.Я. Социологическая характеристика старого аварского жилища, с. 123–130.
244. Кацман В.Я. Танганьика. Советская этнография, 1, 1963, с. 99–105.
245. Левина В.А., Овезов Д.М., Пугаченкова Г.А., указ. соч., с. 14–19.
246. Лисициан С.Д. Известия Кавказского Археологического Института в Тифлисе, т. Ш, 1925, с. 97–108, т. 1У, 1926, с. 55–56.
247. Северов Н.П. под ред. Чубинашвили Г.Н. Грузинские дарбази. Тифлис, 1926, 1927.
248. Сумбадзе Л. Грузинские дарбази. Тбилиси, 1960, с. 8.
249. Ильина М.И. Древнейшие типы жилищ Закавказья. М., 1946, с. 18, 20.
250. Монгарова Л.Ф. Язгулемцы Западного Памира. Советская этнография, № 3, 1949, с. 99–108.
251. Морозова М.Н. Скандинавское крестьянское жилище. Советская этнография, № 1, 1964, с. 60–64.
252. Луконин Ю.В. Уганда. Советская этнография, № 1, 1963, с. 112–117.
253. Карпушина В.Я. Руанда и Бурунди, Советская этнография, № 1, 1963, с. 106–111.
254. Lilliu G., указ. соч., с. 32–37.
255. Schuchhardt, указ.соч. с. 447.
256. Plaetschke, указ.соч., с. 40.
257. Робакидзе А.И. Жилища и поселения горных ингушей, с. 56–57.
258. Джандиери М.И., Лежава Г.И. Архитектура горной Грузии. М., 1940, с. 97.
259. Басилов В.Н., Кобычев В.П., Галгай – страна башен. Советская этнография, № 1, М., 1971, с. 123–124.
260. Пугаченкова Г.А. Искусство Туркменистана. М., 1967, с. 83–85.

261. Wrage W., указ. соч., с. 186, 232, 237.
262. Мовчан Г.Я. Социологическая характеристика старого аварского жилища, с. 139. Шиллинг Е.Н. Кубачи и их культура. Указ. соч., с. 35–37.
263. Робакидзе А.И. Жилища и поселения горных ингушей, с. 113–117.
264. Лежава Г.И. и Джандиери М.И. Архитектура Сванетии. Указ. соч., с. 49, 58, 68.
265. Джандиери М.И. и Лежава Г.И. Архитектура горных районов Грузии. М., 1940, с. 96, 101.
266. Крачковская В.А. Жилище в Хадрамауте. Советская этнография, № 2, 1947, с. 174.
267. Толстов С.П., указ. соч., с. 151–152; Толстов С.П. Итоги двадцати лет работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (1937–1956), Советская этнография № 4, 1957, с. 53.
268. Пугаченкова Г.А. Искусство Туркменистана. М., 1967, с. 83–85.
269. Джавахишвили А.И., указ. соч., с. 22–23; Всеобщая история архитектуры, М., 1970, с. 255.
270. Зубов В.П. и Петровский Ф.А., указ. соч., с. 6–7. Диодор, XVII, 82, § 2–4 и Квинт Курций, VII, 3, 12.
271. Цицишвили И.Н. Истоки грузинского зодчества. Тбилиси, 1955, с. 28.
272. Виолле ле Дюк. Беседы об архитектуре, т. 1, М., 1937, с. 32–38.
273. Helliot Pierre. Sur la filiation des grands clochers en charpente de la fin du moyen âge. Revue archeologique, 1955, Juillet-Septembre, t. XLVI, 6-serie, p. 51-58.
274. Шуази О. История архитектуры, т. 11, с. 477.
275. Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова. И.А. Народы, расы, культуры. М., 1971, с. 191.
276. Вавилов Н.И. Избранные труды в 5-ти томах. т. Земледельческий Афганистан. М.-Л., 1958, с. 131–132.
277. Ламберти Арканжелло. Описание Колхиды, называемой теперь Мингрелией. Перевод К.Ф. Ган, сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. XLIII, Тифлис, 1913.
278. Шарден Ж. Путешествие по Закавказью в 1672–1673 гг., Тифлис, 1902.
279. Забелло С., Иванов В., Максимов П. Русское деревянное зодчество. М., 1942, с. 9
280. Сумбадзе Л. Венчатые покрытия в русском деревянном зодчестве. – В сб.: "Архитектурное наследство", 10, М., 1958, с. 67.
281. Морозова М.Н. Скандинавское крестьянское жилище. Советская этнография, № 1, 1969, с. 64.
282. Макалатия С. Пшавия. Тбилиси, 1934, с. 107–110 (на груз. яз.).
283. Бакланов Н.Б., указ, соч., с. 12–14, Могильники в селении Гагатль в Аварии по материалам Г.Я. Мовчана.
284. Шуази О. История архитектуры, т. 1, с. 144.
285. Plaetschke B., указ. соч., с.71.
286. Zakharov A. Etudes sur l'archeologie de l'Asie Mineure et de Caucase. Revue hittite et Asiatique, f. 5. Octobre, Paris 1931, p. 176-177.
287. Kiepert N., указ. соч., с. 322.
288. Шуази О. История архитектуры, т. 1, с. 3, 52.
289. Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса. М., 1963, с. 19, 207–

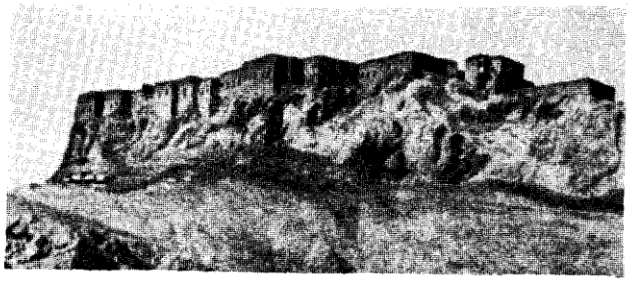

Рис. 84. Башенное жилище в районе Адена. Йемен

Рис. 85. Башенное жилище в Южном Геджасе

Рис. 86. Селение в Курдистане, состоящее из домов-крепостей

Рис. 87. Динг в районе Байрам-Али. Туркмения

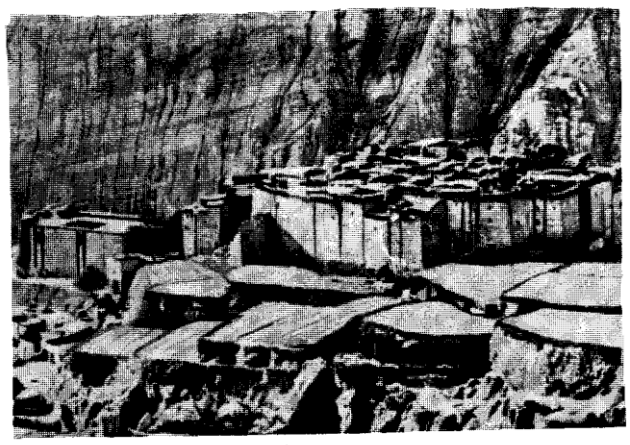
84. A tower dwelling in the Aden region, Yemen

85. A tower dwelling in South Gedzhas, Yemen

86. A settlement of houses-fortresses, Kurdistan

87. A ding. Bairam-Ali region. Turkmenia

◀ 84 | 85
86 | 87

Рис. 88. Дом-крепость в Бутане. Индия

Рис. 89. Башенные дома в Бутане. Индия

Рис. 90. Укрепленное селение, расположенное на границе с Тибетом. Ячеистая структура, состоящая из плотно примыкающих друг к другу домов-крепостей. Непал

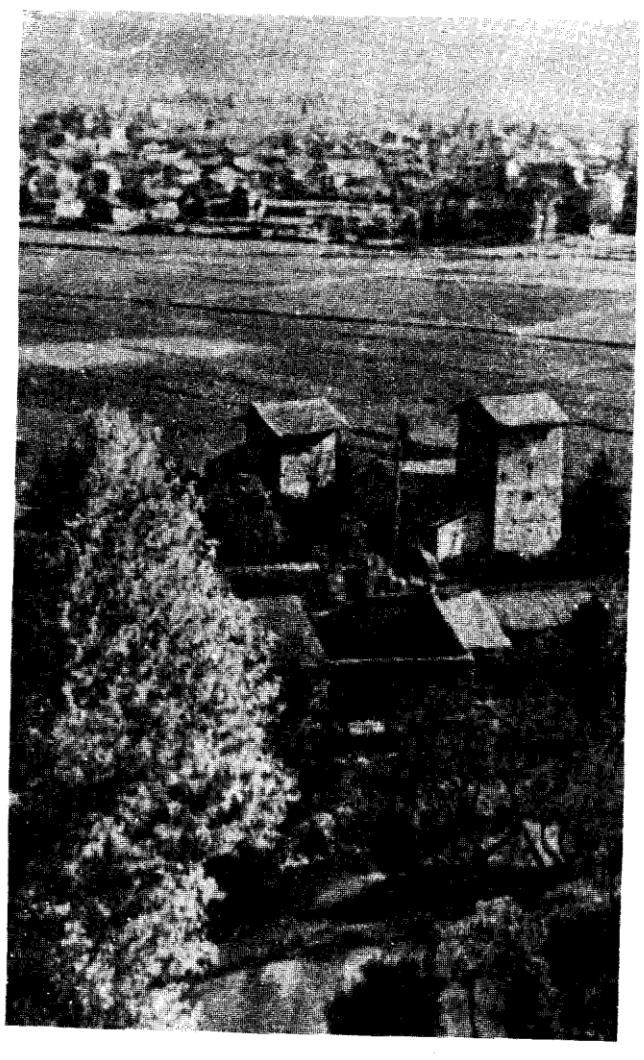

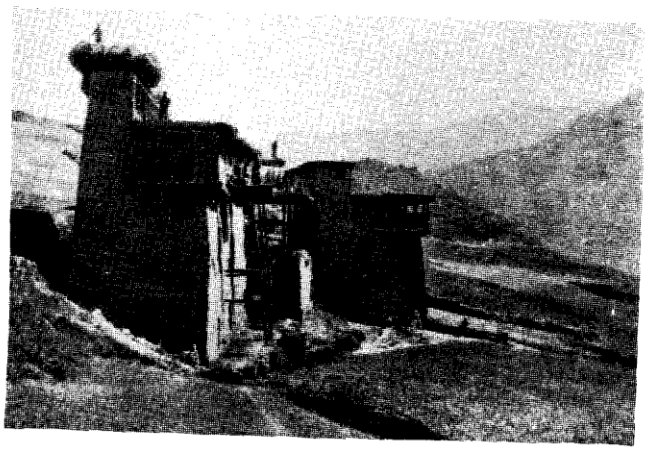
88 | 89
90 |

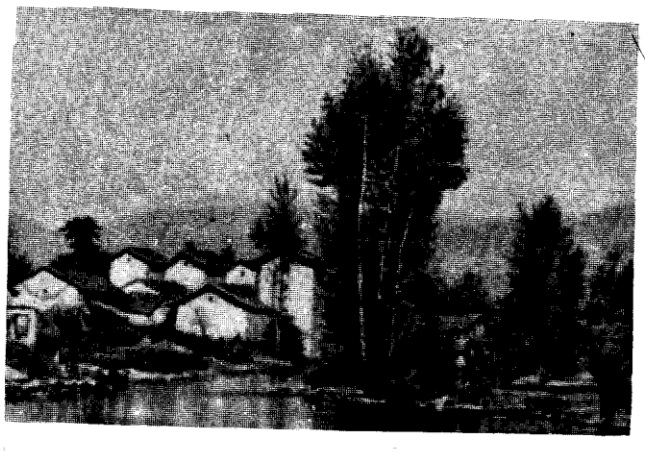
88. A house-fortress, Butan, India

89. Tower dwellings. Butan. India

90. Fortified dwelling at the Tibet border. Cellular structure consisting of closely abutting houses-fortresses. Nepal

92 | 91 / 93

Рис. 91. Дома-крепости в Тибете. Китай

Рис. 92. Укрепленное башенное жилище народности "и". Провинция Сычуань. Китай

Рис. 93. Укрепленное башенное жилище народности "и". Провинция Сычуань. Китай

91. Houses-fortresses. Tibet. China

92. A fortified tower dwelling of the "j" people, Sitchuan province, China

93. A fortified tower dwelling of the "j" people, Sitchuan province, China

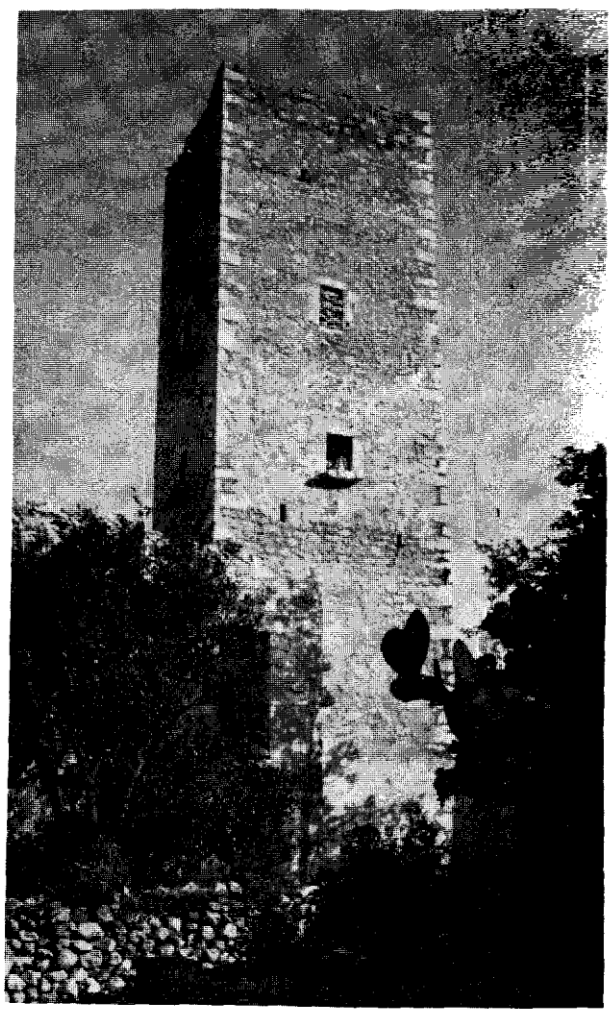

Рис. 94. Башенное жилище в юго-западном Пелопоннесе. Греция

Рис. 95. Боевая башня в юго-западном Пелопоннесе. Греция

Рис. 96. Селения с домами-крепостями. Балеарские острова. Испания

94. A tower dwelling. South-western Peloponnesus, Greece

95. A war tower. South-western Peloponnesus, Greece

96. Settlements with houses-fortresses. Balearic Islands, Spain

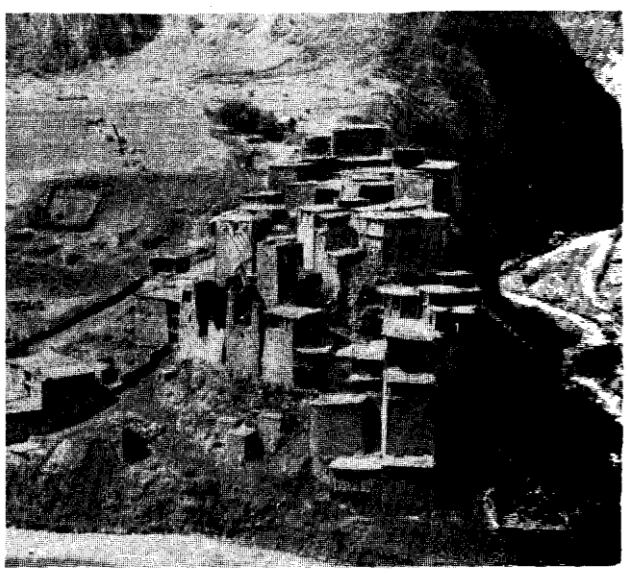

Рис. 115. Деревня Чажаши, Сванетия. Грузия

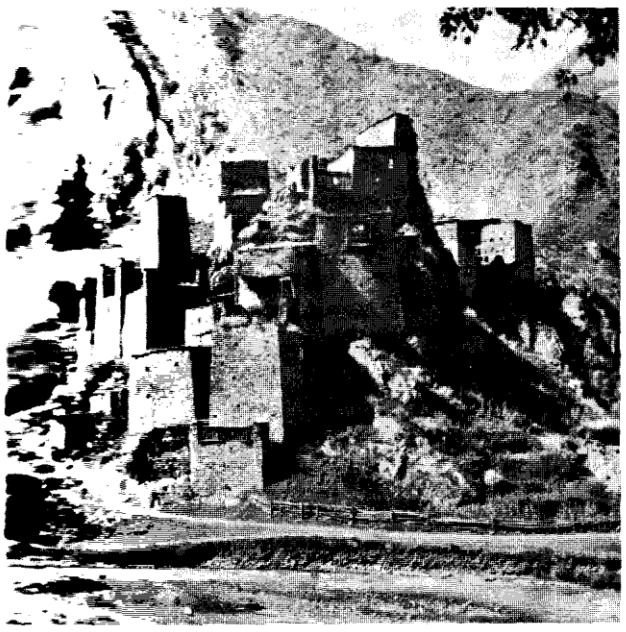
Рис. 116. Дом-крепость, на втором плане сдвоенные башни, дер. Чажаши. Сванетия. Грузия

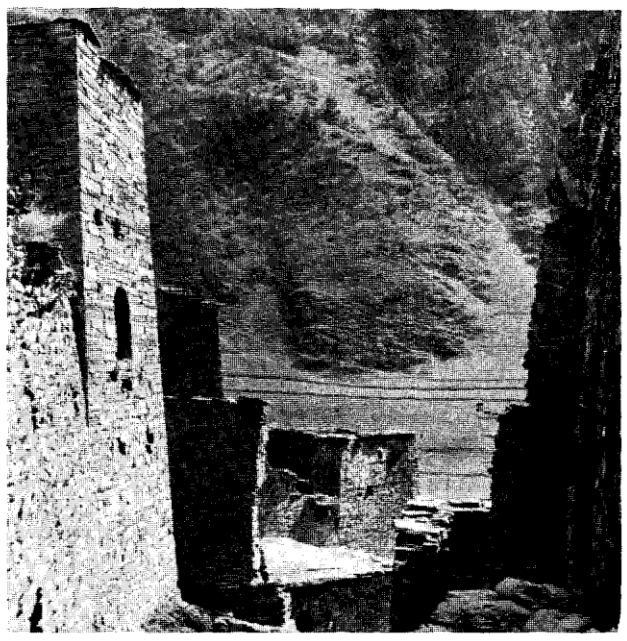
Рис. 117. Общий вид дер. Шатили. Хевсуретия. Грузия

115. Tchazhashy village, Svanetia, Georgia

116. A house-fortress with twin towers in the background. Tchazhashy village. Svanetia. Georgia

117. General view of the Shatily village. Hevsuretia. Georgia

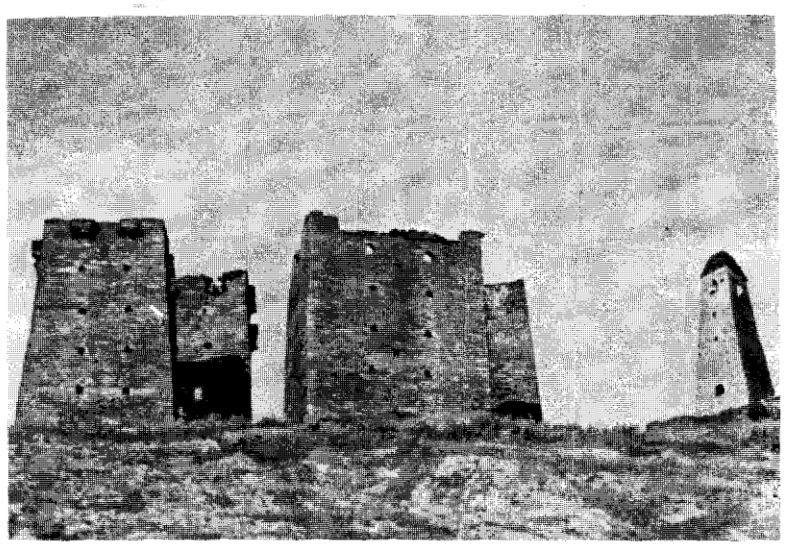

Рис. 118. Общий вид дер. Шатили. Хевсуретия. Грузия

Рис. 119. Улица в деревне Шатили. Хевсуретия. Грузия

Рис. 120. Дом-крепость в Тушетии. Грузия

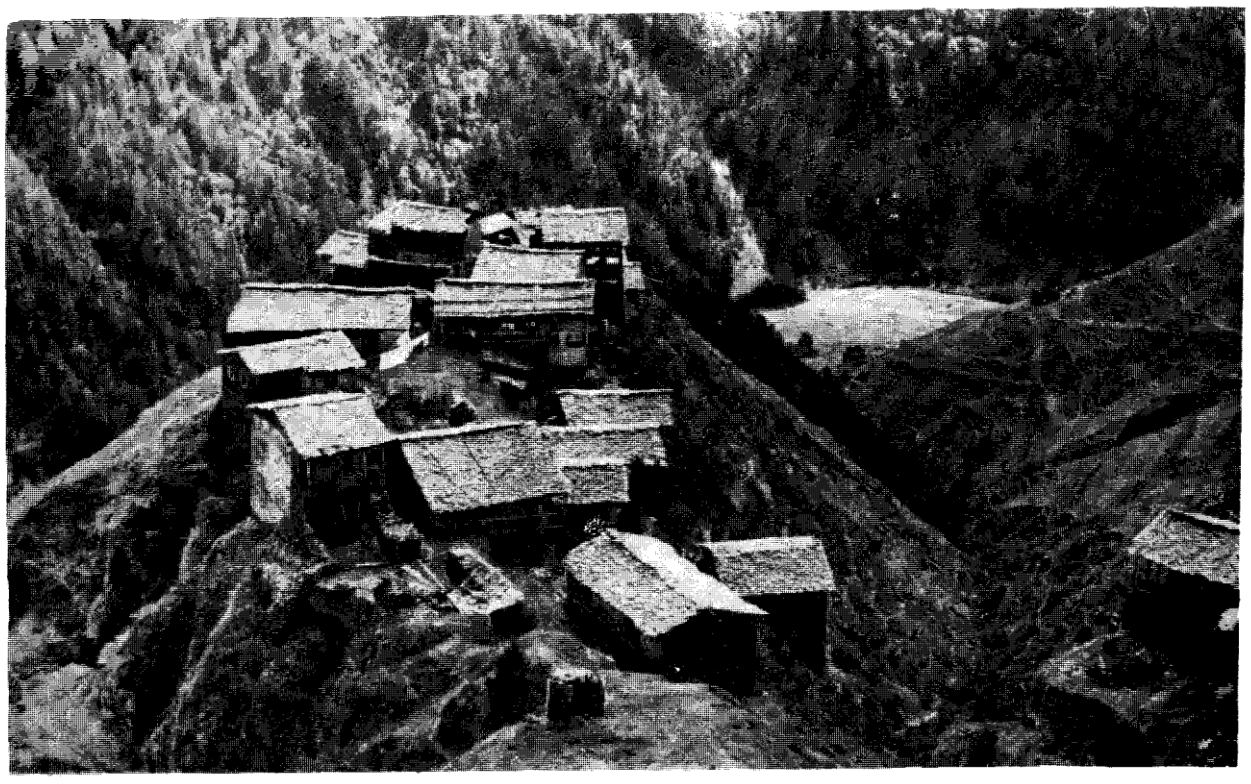
Рис. 121. Дома-крепости и башня в Тушетии. Грузия

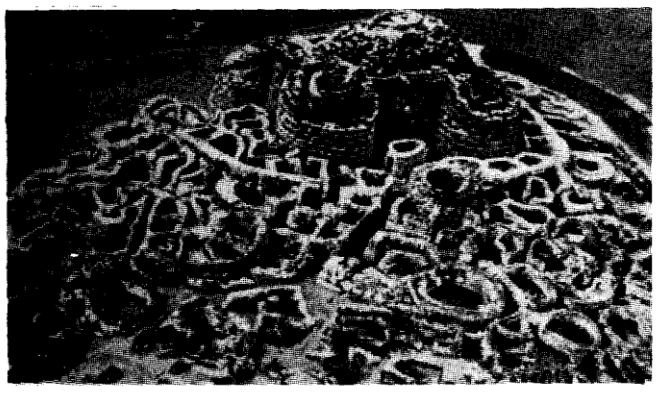
118. General view of the Shatily village. Hevsuretia. Georgia

119. A street in the Shatily village. Hevsuretia. Georgia

120. A house-fortress in Tushetia. Georgia

121. Houses-fortresses and a tower in Tushetia. Georgia

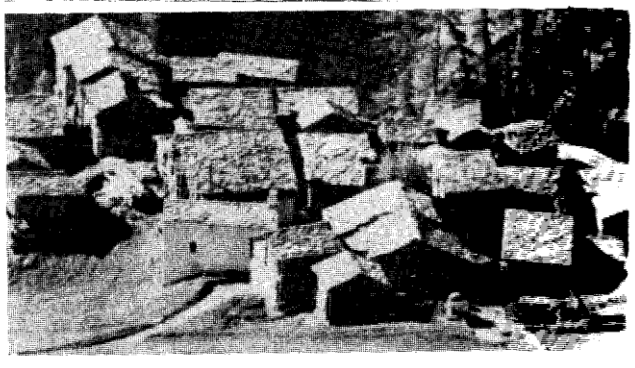

Рис. 122. Плотная ячеистая структура поселения, состоящая из жилищ типа нураг. О. Сардиния. Италия

Рис. 123. Общий вид деревни в Тушетии. Грузия

Рис. 124. Деревня Цмутт близ Цирматта. Швейцария

122. Dense cellular structure of a settlement consisting of Nuraga-type dwellings. Sardinia Island, Italy

123. General view of a village in Tushetia, Georgia

124. Tzmutt village near Tzermatt, Switzerland

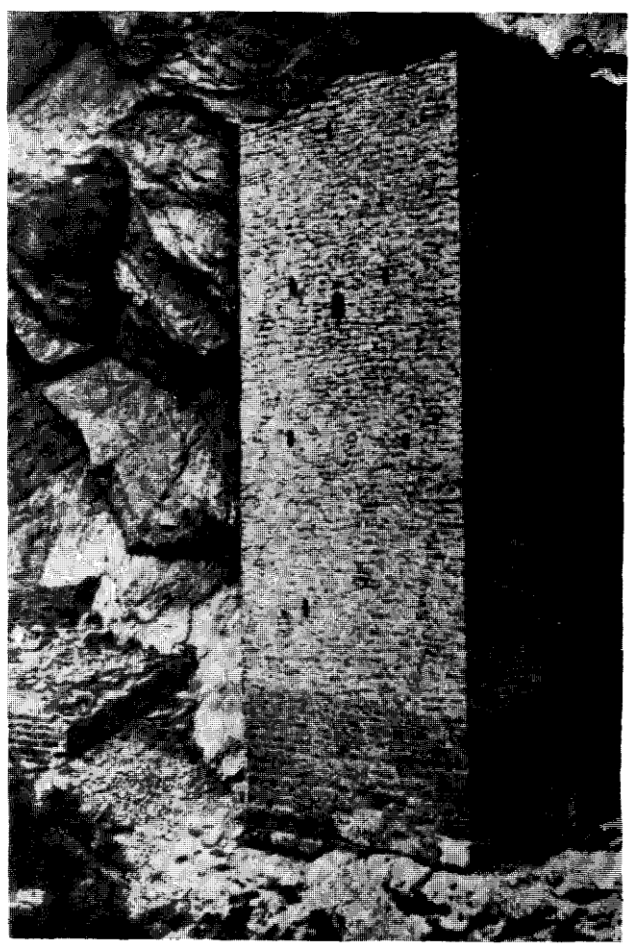
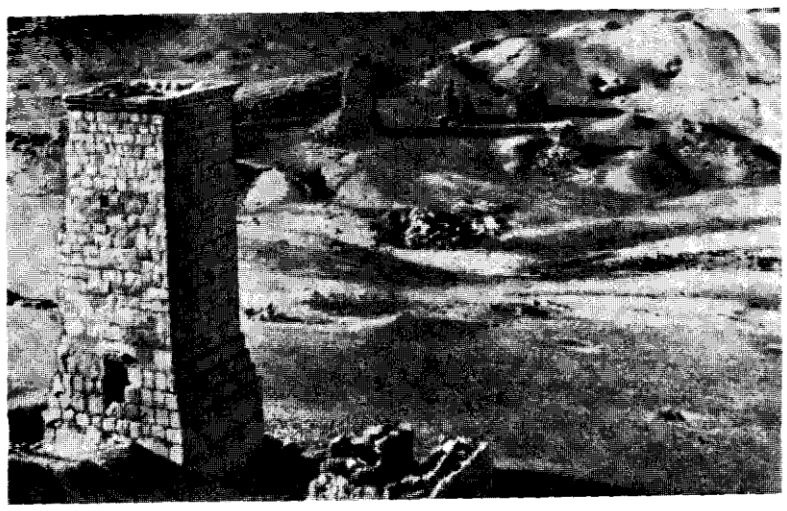

Рис. 125. Башня в нише скалы в укрепленном поселении индейцев. Штат Колорадо. США

Рис. 126. Башня в нише скалы в селении Ушкалой, Чечено-Ингушетия

125. A tower in a rock recess in a fortified Indian settlement. Colorado, USA

126. A tower in a rock recess in the Ushkaloy settlement. Checheno-Ingushetia

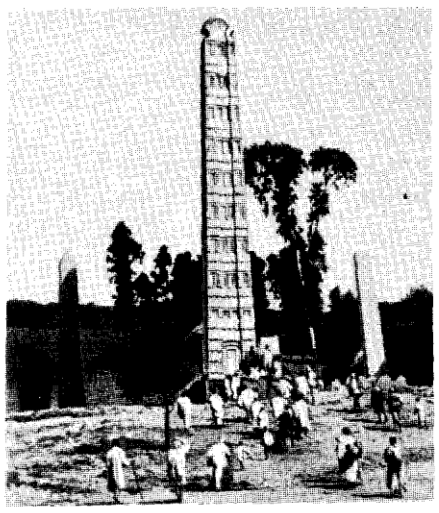

Рис. 127. Мемориальные башни Северной Пальмиры. Сирия

Рис. 128. Стела в Аксуме, изображающая башенное жилище, Эфиопия

Рис. 129. Некоторые культовые, замковые и фортификационные ансамбли ряда стран, сохранившие следы влияния народной башенной архитектуры:
1 — селение с террасно расположенными по склону гор домами-крепостями и с культовым ансамблем наверху. Кашмир, Индия; 2 — монастырь. Индия — Бутан. Весь комплекс состоит из башенных домов; 3 — замок-монастырь. Индия. — Бутан. Комплекс занимает стратегически выгодную позицию и состоит из плотно прилегающих друг к другу башенных домов; 4 — оборонительная стена с использованием элементов башенной архитектуры. Китай. Район Восточного Тибета; 5 — укрепленный ансамбль, состоящий из храмов, повторяющих формы расположенных рядом домов-крепостей. Китай. Район Восточного Тибета; 6 — селение-крепость в Гималаях, построенная от набегов тибетцев. Бутан — Индия; 7 — группа феодальных замков в Лангедоке, 1211 г., Франция; 8 — крепость Гудушаури по Военно-Грузинской дороге; 9 — Н.Рерих. Культовые башенные ансамбли в Гималаях; 10 — двойная башня [illegible] типа. Бутан. Индия.

127. Memorial towers of North Palmira. Syria

128. A stele in Aksum, showing a tower dwelling. Ethiopia

129. Some religious, castle and fortification ensembles of different countries reflecting the influence of folk town architecture
1—A settlement with houses-fortresses going in terraces along the hill-side and a religious ensemble on the top of the hill. Kashmir. India; 2—An abbey. India. Butan. The whole complex consists of tower houses; 3—A castle-abbey. India-Butan. The complex occupies a strategically advantageous position and consists of tower houses tensely adjoining each other; 4—A defence wall with elements of tower architecture China. East Tibet region; 5—A fortified ensemble consisting of temples repeating the forms of houses-fortresses nearby. China. East Tibet region; 6—A settlement-fortress in the Himalayas. Built as defence against Tibetan raids. Butan. India; 7—A group of feudal castles in Languedoc. France; 8—The Gudushaury fortress, the Military-Georgian Road; 9—N.Rerich. Religious tower ensemble in the Himalayas; 10—A twin tower of pylon type Butan. India

МАРИЯ ИЛЬИНИЧНА ДЖАНДИЕРИ
ГЕОРГИЙ ИЛЬИЧ ЛЕЖАВА

НАРОДНАЯ БАШЕННАЯ АРХИТЕКТУРА

Редакция литературы по градостроительству
и архитектуре
Зав. редакцией А. Ф. Крашенинников
Редактор Т. А. Гатова
Мл. редактор М. А. Титова
Оформление обложки художника И. А. Шиляева
Технический редактор И. В. Тимофеева
Корректоры Н. С. Тиминская
Г. С. Масолова

Подписано к печати 7/1-76 г. Т-19389
Формат 84x108/16 Бумага офсетная Тираж 3000
Печ. л. 10,25 Усл. печ.л. 17,22 уч.-изд. л. 13,57
Заказ 641 Изд. № А1Х-3885 Цена 95 коп.
Стройиздат, 103006, Москва, Каляевская, 23а

Московская типография № 9 Союзполиграфпрома
Волочаевская ул., дом 40